

18+

АЛЕКСАНДР НАМГАЛАДЗЕ

**Записки рыболова-любителя.
Часть 6. Ельцинские времена.
Том 6.1. Главы 557-624**

Александр Намгаладзе

**Записки рыболова-любителя.
Часть 6. Ельцинские времена.
Том 6.1. Главы 557-624**

«Издательские решения»

Намгаладзе А.

Записки рыболова-любителя. Часть 6. Ельцинские времена. Том 6.1. Главы 557-624 / А. Намгаладзе — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836928-5

В настоящем двухтомнике на базе дневников, воспоминаний и переписки автора описаны события 90-х годов 20 века, происходившие в Полярном геофизическом институте Российской академии наук и Морской государственной академии рыбопромыслового флота и за их пределами. События происходят в Мурманске, Апатитах, Калининграде, Москве, Владимире, Сестрорецке и за рубежом. Авторское фото на обложке тома 6.1 показывает космодром Европейского космического агентства (глава 619).

ISBN 978-5-44-836928-5

© Намгаладзе А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие к двухтомнику 6.1 и 6.2	6
1992 г.	7
557. Январь – февраль 1992 г. Болезнь у тестя	7
558. В России свободные цены! Но прилавки пока ещё пустые	10
559. Учёные Советы по финансированию тем. Не скинуться ли нам, чтобы укокошить администраторов? Сокращать никого не надо, надо только до осени продержаться, ведь Ельцин же обещал. Зачем нам ВЦ?	12
560. Пивоваров и Лазутин	15
561. Семейное предприятие в Севастополе. Бурные дебаты в Апатитах по поводу лазутинцев	17
562. Март – апрель. Совещание по «Арктике» в ПГИ для «Салюта». С Ляцким и Кореньковым о моём авторитаризме. Поездка в Лопарскую. Натаскивание собак на медведя	20
563. С Митей и Ириной в Протвино. VI съезд народных депутатов. «Ребята растерялись»	24
564. Санкт-Петербург – Лахти. Хельсинки. Демократы... Развалили страну, вот и ПГИ сейчас разваливают	27
565. Май. Нынче помирать шибко дорого. «Техком». Ейбог. Встреча с Оболенским, который спасал Союз от развала, но не спас. Взвейтесь, брокеры, орлами!	33
566. Июнь – Июль. В Мурманске +30°! Рыбалки с резиновой лодки под обсерваторией	37
567. Солдатики – грабители на заставе	41
568. Строительство сарая у деда на огороде. «Балтика» вышла в 1-ю лигу, из которой чуть не вылетел «Зенит»	44
569. Августовские походы за грибами. Миша в школу пошёл	48
570. Сентябрь – октябрь. Очередной виток противостояния Мурманск – Апатиты. Главное не что, а как! Правоту горлом не докажешь	53
571. Пивоваров из больницы руководит. Я его идеи подношу Учёному Совету	58
572. 1 ноября телеграмма от Ивана: «Родили мальчика 3650/53». У деда Андрея на 75-лети. Все совместители и долгострой остались на своих местах. Обида Ляцкого на Мальцева	62
573. Ноябрь – декабрь. Нардепы подрались. Ельцин референдумом поначалу напугал, а потом Гайдара сдал. Я начал ваучеры скупать	66
1993 г.	68
574. Январь 1993 г. В гостях у Али Осепян. Учёный Совет в Лопарской по утверждению руководителей новых тем	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

**Записки рыболова-любителя.
Часть 6. Ельцинские времена.
Том 6.1. Главы 557-624
Александр Намгаладзе**

© Александр Намгаладзе, 2017

ISBN 978-5-4483-6928-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие к двухтомнику 6.1 и 6.2

Двухтомник представляет собой 6-ю часть «Записок рыболова-любителя». Первые пять частей закончились концом 1991 года и падением СССР, так что их можно было бы назвать «О том, как мы жили в Советском Союзе». Ниже речь пойдёт о периоде 1992 – 1999 г.г., часто называемом «проклятые», «роковые» 90-е годы.

Книга продолжает серию «Записок рыболова-любителя» А. Намгаладзе с теми же, во многом, действующими лицами, с тем же обоснованием написания, сформулированным в начале этой дневниково-мемуарно-эпистолярной эпопеи, с теми же эпиграфами и тем же подзаголовком: «Из истории космической геофизики и российской демократии, а также о футболе и смысле жизни».

Книжный вариант «Записок» существенно сокращён по сравнению с интернет-версией для облегчения жизни читателей. Особенно жаль мне фотографии, но что поделаешь? И митинговых студенческих впечатлений о футбольных матчах тоже жаль. И писем родственников и друзей. Тем не менее, резать надо.

Ещё хотел бы заметить, что мои «Записки», это не записки о рыбалке, хотя и она там присутствует. Это просто мои «Записки», а я – рыболов-любитель.

Нумерация, как и ранее, является хронологической и ведётся через все «Записки».

1992 г.

**Мурманск – Апатиты – Лопарская –
Калининград – Москва – Владимир – Петербург –
Сестрорецк – Лахти – Хельсинки – Севастополь**

557. Январь – февраль 1992 г. Болезнь у тестя

Все новогодние (1992 года) выходные дни (их получилось четыре подряд) я катался на лыжах по 2—3 часа в день. Сашулю с Митей удалось в эти дни вытащить на лыжню только дважды.

30-го декабря (1991 г.) с утра была сильнейшая пурга, потом вроде бы стихло и прояснилось, и я отправился кататься один. Сашуля с Митей никакого желания идти со мной не проявили, да я их особенно и не уговаривал, тем более, что прогноз погоды по мурманскому радио обещал чуть ли не ураганный ветер. Я же решил, что они со своим прогнозом опоздали – ветер уже был сильный, а теперь стихает. И действительно, погода улучшилась, между сопок было тихо, скольжение неплохое, и я про себя думал – зря Сашуля с Митей не пошли.

Но едва я перешёл второе озеро за Ленинградским шоссе, ситуация резко изменилась. Сплошная туча закрыла всё небо, повалил мокрый снег, скольжение и видимость резко ухудшились, да ещё снег залеплял очки, – я повернул назад. Лыжню моментально заносило, хотя передо мною, метрах в ста от меня шли двое-трое лыжников, прокладывая путь. Идти было очень тяжело, и я теперь уже радовался, что, слава Богу, Сашуля с Митей со мной не потащились, вот бы намучились.

На Большом Питьевом озере лыжня окончательно потерялась, и я шёл к «нашему берегу» на глазок, а у берега не смог найти в пурге и потёмках выход лыжной трассы из леса и, блуждая в его поисках, завалился в снег глубиной по пояс. Одна лыжина зарылась так глубоко, что я не мог даже пошевелить ногой, даже сесть не удавалось, лежал как в капкане, – удовольствие, надо сказать, так себе. Но всё же сумел отстегнуть крепление и выбрался из сугроба, после чего продолжил поиски трассы. Основную не нашёл, но вышел на какую-то соседнюю, по которой вскоре выбрался и на главный путь. Еле довололся до дома, весь облепленный снегом и совершенно обессиленный.

Тем не менее, на следующий день – предновогодний – отправился на лыжню снова, но уже с Сашулей и Митей по сравнительно приличной, без снегопада, погоде.

А вечером встречали Новый год втроём, осилив по бутылке шампанского и «Каберне» (Сашуля с Митей!), а я бутылку водки, после чего я в три часа уснул, а мои хорошие пилились в телевизор до шести утра. Зато я опять был на лыжах с 11 утра, а они дрыхнули до обеда, и только 2-го мы снова катались втроём.

Письмо тёщи Антонины Дмитриевны от 14.01.92г.

Здравствуйте мои дорогие дети Шурочка, Саша и внучек Митенька...

Как вы поживаете? Как здоровье? Как со снабжением демократов?

Цены сумасшедшие. Масло сливочное 190 руб., сметана 44 руб., яйца 27 руб. 1 десяток. Колбаса от 84 руб. до 120 и т. д. Правда, на талоны дали макароны, песок, масла растительного 200 г на человека по государственной цене. Хлеб тоже нормальная цена. Хорошо, что своя картошка и капуста с огурцами. Картошка 4 руб. кг, капуста 6 руб. кг, морковь 6 руб. кг. Пришли к рынку, а дальше?

Наша жизнь стариков неутешительная. Годы берут своё. Папу сегодня положили в госпиталь. В воскресенье вечером 12 января вместе с калом обнаружил большое количество крови. Утром встал, чувствовал себя нормально. Пошел на работу. С работы пришёл, как с ним часто бывает, весёлый. Поужинали и лёг спать. Часа через два проснулся: трусы и кальсоны и простынь в крови. Всё с него сняли, переодели. Снова лёг. Проснулся в два часа ночи. Пошёл в туалет, в унитаз выделились из него шлёпки тёмной крови, он слить сам не смог, не было ночью воды. Я сливала ведром. Ночью никак не согласился вызвать скорую. После двух часов спал спокойнее.

Утром вызвала скорую, отвезла в госпиталь. Хотел позвонить, но ничего не дожидусь, а время уже 8 часов вечера. Хоть бы всё обошлось благополучно. Думы в голову лезут удручающие. Настроение очень плохое. Дорогая моя дочь, напиши хоть несколько строчек, как вы живёте...

Письмо Антонины Дмитриевны от 30.01.92 г.

...Спешу сообщить о своем положении, вернее, о здоровье папы. Я писала, что папе предстоит операция. Вот сегодня 29.01.92 г. сделали. Со мной разговаривал врач, который делал операцию. Говорит, что удалили большую опухоль. Удалили всё, что можно, чтоб ничего не осталось. Какой будет результат?

Сейчас папа находится в реанимации. Говорит, что в реанимации будет лежать дня три. Меня, конечно, туда не пускают. Врач просил через день принести клюквенного морсу. В общем, дела плохи

Не бережем себя, когда ноги таскают. Кажется, все нипочем. Хоть бы послеоперационный период не был тяжёлым. Хоть бы всё обошлось нормально. Но хорошего, конечно, нет ничего...

Шурочка, пишите о своём житье-бытье. Как здоровье? Берегите себя. Митя, наверное, уехал? Опять жить ожиданиями о встрече.

Пока, мои дорогие, до свидания. Крепко вас целуем, мама, папа.

Письмо Ирины от 3.02.92 г.

...На днях получила путевку в ЦИУ. Командировку мне выпишут с 3 марта. Хотелось бы, чтобы Митя меня встретил и помог добраться до места. Миша останется с Ваней, ведь так будет удобнее и рациональнее.

Дима (отец Миши) встречал Мишу в садике, хотел забрать на выходные недели две назад. Но не появился. Мы с Ваней были в юридической консультации. Перемена фамилии возможна в случае усыновления при отказе от отцовства со стороны Димы и от алиментов – с моей. Возможно и просто поменять фамилию без усыновления, но это сложнее. Ваня хочет сам говорить с Димой, без моего участия, но всё никак не соберётся...

Письмо Ирины от 15.02.92 г.

Мамочка, ты своим отпуском можешь располагать, как тебе удобно. Дело в том, что я, возможно, забеременела. И в августе у меня уже будет декретный отпуск. Срок ещё небольшой, и в консультацию я не обращалась. Пойду перед отпуском. Пока чувствую себя хорошо.

...Звонила бабуля. У деда состояние лучше, видимо, злокачественность исключена.

Письмо Мити от 22.02.92 г.

...определилась тема моей курсовой работы – синтез сульфидов железа, вещества, которое, как полагают, может обладать сверхпроводниковыми свойствами. Выполнять работу буду в лаборатории моего преподавателя по практикуму, что, мне кажется, облегчит выполнение задачи, так как со знакомым человеком работать удобнее.

Жизнь в Москве, конечно, сильно подорожала. Один обед обходится не менее, чем в 10 руб., а если и ужинать, то еда займёт 15—17 руб. А кроме того, необходимо покупать еду на завтрак. Консервы мы за неделю съели, теперь едим запасы других. В этом плане Коля Зенин опередил всех: привёз, наверное, килограммов 20 еды. Так что в месяц приходится тратить около 600—700 рублей...

558. В России свободные цены! Но прилавки пока ещё пустые

Со 2-го января в России свободные цены!

Как и в случае с мартовским (павловским) повышением цен, народ (а в глубине души и я с ним) ожидал, что из подсобок и складов товары переместятся, наконец, на прилавки. Ни хрена подобного. Как и в марте.

Разница только в том, что тогда цены на то, что ещё оставалось в продаже, поднялись раза в три, а теперь в 10 и 20 и в 50 раз сразу. Батон за 26 коп. стал стоить 3 руб. и т. д. Белый хлеб стали брать меньше, навалились на чёрный, того стало не хватать, возникли очереди, в которых нужно было простоять полчаса и остаться с носом, и это вместо ожидавшегося изобилия.

Сашуля не уставала возмущаться новыми ценами, Ельциным и его командой и отвергала все мои оправдания-объяснения их действий, не предлагая, разумеется, никаких альтернатив, справедливо полагая, что это не её обязанность.

Я же убеждал её, что деваться некуда, надо терпеть и дай Бог правительству твёрдости сдерживать рост зарплат, тогда легче будет с финансами, да ещё торговлю как можно скорее приватизировать...

Ну, а прилавки в продмагах всё же потихоньку начали заполняться, вот вчера уже и сосиски молочные по 78 руб. за кг в свободной продаже видел.

Митя всё своё каникулярное время проводил за изучением английского с одержимостью, напоминавшей его увлечение географией в детские годы. Слушал пластинки и приёмник, изучал грамматику, читал «Time» и «Nature», взятые в нашей библиотеке, чем очень меня радовал.

А удивил тем, что Мешкову позавидовал, приятелю школьному своему, очень способному в части математики парню, который не захотел никуда уезжать поступать, остался в Мурманске, поступил в Педагогический институт, учился, не надрываясь (не то, что Митя), жил в семейном комфорте и уюте (не в общежитии!), крутил магнитофон и видеик, которых у нас и дома-то не было. Понять Митину зависть можно было – тяжело ему, конечно, в МГУ, не столько с учебной, сколько бытовой, особенно в это время дурацкое.

– Но ведь, – утешал я его, – сейчас главное – квалификацию высокую получить, удовольствия ещё будут. Мозги пока свежие, восприимчивые, их на полную катушку загружать надо, потом все это окупится...

Митя, конечно, и сам всё прекрасно понимал, и зависть у него была бесхитростная, от неуютности московской. 8-го числа он узнал по телефону, что ему поставили автомат по химии (разделил 9—13 места по рейтингу) и, конечно, страшно обрадовался – не надо ехать на экзамен к 13-му, а то уже был билет на поезд взят, гуляй теперь ещё целый месяц без перерыва – заслужил!

Митя пробыл у нас на каникулах до **9-го февраля**, регулярно катался с нами на лыжах, убегая вперед и демонстрируя не технику, разумеется, но мощь. Уже и мне его темп на лыжне трудно поддерживать.

22-го февраля я брал фотоаппарат с собой, ФЭД-4 папин, и мы с Сашулей пощёлкали друг друга и окрестности, начиная от нашего дома (и закончив у него). На одном из снимков Сашуля запечатлена на фоне Большого Питиевого озера, по льду которого пунктирной ниткой (из фигурок лыжников) тянется отрезок трассы от 2-го КП к нашей «Стране Дураков», это снято уже на обратном пути, почти на финише, после самого крутого подъема с Большого Питиевого озера, когда остаётся около полукилометра, чтобы замкнуть большой круг.

«Большой круг» – это, конечно, просто условное название некоего замкнутого участка сети лыжных трасс в окрестностях Мурманска, по которому мы ходим чаще всего, преодолевая его за время порядка двух часов.

От «Страны Дураков» через Среднее Питьево озеро вниз к северо-восточному краю Большого Питьево мимо КП-3 под мост, по которому проходит Ленинградское шоссе, и сравнительно полого вверх вдоль по цепочке небольших озёр прямо на восток до перевала, перед которым разворот и обратно вниз, но южнее, скатываясь по крутым и длинным спускам вниз в Долину Пенсионеров, ведущую к КП-2, а оттуда через ветреную южную часть Б. Питьево озера к крутым склонам «Страны Дураков».

«Большим кругом» мы прозвали этот маршрут в наш первый лыжный сезон, когда изрядно уставали уже после часа лыжного хода. **23-го февраля 1992 г.** я впервые расширил «большой круг»: развернувшись перед перевалом, я отправился не вниз на запад в Долину пенсионеров, а по верху на юг, не зная точно куда, но надеясь попасть в Долину Уюта. И попал, через Рог-озеро (которое пересекал в начале зимы 89—90 гг., когда приезжал в Мурманск в компанию выборов директора). Из Долины Уюта я повернул на север вдоль Ленинградского шоссе и лыжня вывела меня на самый крутой, длинный и от этого разгонистый спуск, на котором я непонятно как не завалился. А через 10 минут я уже был на КП-2, откуда через Б. Питьево в «Страну Дураков», завершив этот расширенный вариант «Большого круга» за 2 часа 50 минут (и отметив таким образом закрытие Олимпийских игр в Альбервилле).

В последний февральский лыжный поход (**29-го числа**, високосный год) Сашуля сломала палку, первоначально сломанную Митей (в наш первый с ним выход на лыжах) и затем мною чиненную, снова Митей ломанную и снова мною клеенную. Я эту палку и в этот раз пытался восстановить прямо на трассе, обложив место перелома прутиками и обмотав их тесьмой от Сашулиной куртки. Получилось что-то похожее на метлу и мало пригодное на роль лыжной палки. Сашуля тем не менее с ней отмучилась по всему большому кругу, получив в награду от меня прозвище «девушка с помелом».

559. Учёные Советы по финансированию тем. Не скинуться ли нам, чтобы укокошить администраторов? Сокращать никого не надо, надо только до осени продержаться, ведь Ельцин же обещал. Зачем нам ВЦ?

Весь январь и февраль в ПГИ чуть ли не каждую неделю проходили Учёные Советы, посвящённые, главным образом, переходу на потемное финансирование. Суть этой пивоваровской затеи, полностью мной поддержанной, состояла в том, чтобы распределить годовой бюджет, т.е. средства, выделенные институту Академией Наук, не по структурным подразделениям пропорционально их ФЗП («по головам», грубо говоря), а по темам, предварительно утверждённым Учёным Советом.

Сформулировать темы было предложено внутри шести основных научных направлений ПГИ, руководителями которых Пивоваров назначил Терещенко (радиофизические исследования), Ляцкого (магнитосферно-ионосферные возмущения), Мальцева (исследования геокоса), Иванова (исследования вторжений корпускулярных потоков, совместно с Пивоваровым), Власкова и Лазутина (средняя атмосфера) и Намгаладзе (математическое моделирование и информатика).

Любой желающий мог предложить тему в рамках любого из направлений, согласовав её с руководителем направления и получив от него требуемые средства. В последнем, собственно, и состояла миссия руководителя направления – распределить по своему усмотрению средства по темам внутри направления, а на каждое направление Пивоваровым было выделено одинаковое количество денег.

Основная идея мероприятия заключалась в том, чтобы при надвигающемся сокращении бюджетного финансирования *уйти от поголовного распределения денег*, когда деньги гарантированно доставались всем, сколько бы их (денег) не было. Хоть понемножку, но всем. Уже за то, что ты числишься в штате. Но как тогда сокращать численность? Кого сокращать? По какому принципу?

А что сокращать численность ПГИ надо – сомнений давно уже не оставалось ни у Пивоварова, ни у меня, ни у Власкова, Боголюбова, Иванова... Элементарный здравый смысл подсказывал – или всем нищенствовать или сокращаться. Да и в официальных распоряжениях Президиума РАН недвусмысленно рекомендовалось сокращать неперспективные (!) направления исследований. Но пусть сокращением занимается не дирекция, а руководители направлений и тем. Деньги получают они, они пусть и набирают людей на эти деньги себе на темы, а кто в темы не попадет, того и сокращать. Вроде бы логично.

Но существовал ещё один момент в этом деле, который, как я потом понял, для Пивоварова был важнее приведенных соображений. Потемное финансирование разрушало структуру ПГИ в виде отделов, которую Пивоваров сам же создал в качестве своего самого первого мероприятия, а теперь не знал как ликвидировать.

Ликвидировать же отделы ему теперь зудело по той, увы, простой причине, что большинство начальников отделов, он терпеть не мог – кого давно уже, как Терещенко, например, да и Лазутина, пожалуй, с попытки их открытого выступления против него, кого недавно, как Леонтьева и Остапенко, справедливо считая лояльными начальниками только Ляцкого и Власкова. И если Терещенко и Лазутина Пивоваров побаивался, потому и оставил их в руководителях направлений, то отстранить Остапенко и Леонтьева от распоряжения деньгами и людьми, он считал вполне возможным и очень даже желательным.

Общественность пэгэёвская к потемному финансированию отнеслась настороженно, если не враждебно, в особенности поначалу. Народ чувствовал, что обернется это в конце концов сокращением, страшно волновался, как же будут делить деньги руководители направлений.

На одном из Учёных Советов, проходившем в Апатитах, выступил Саша Ройзен, симпатичный в общем-то мужик, из высококвалифицированных технарей, и выдал такую пенку: сейчас на мокрое дело спеца нанять очень дёшево, так не скинуться ли нам по 200 руб. и не укоштить ли тех администраторов, которые сокращение предлагают?

Ну что тут скажешь?

Конечно, апатитян можно понять – куда сокращенным деваться? Это не Мурманск, предприятий практически нет помимо Апатитового комбината, а там электроники не нужны. Трагедия. А что поделаешь? Вляпались в милитаризованную, никому не нужную (в таких количествах и при таком качестве) науку, а теперь выбирайся, как знаешь. Или терпи, цепляйся за свое место, выживай коллегу.

Но преобладало общинное настроение – погибать, так вместе, а посему деньги делить надо поровну, «по головам». Витя Мингалёв на полном серьёзе на одном из Советов заявил, что надо, мол, только до осени продержаться, Ельцин же обещал, что осенью легче будет, поэтому сокращать никого не надо.

Но прежде, чем делить деньги по темам, нужно было обсудить и утвердить на Учёном Совете название, содержание и руководителей тем, чем собственно Учёный Совет и должен в первую очередь заниматься – оценивать *научное содержание* проводимых и планируемых работ. Но тут, как не странно, страсти отнюдь не кипели, дискуссии никакие не велись.

Я, правда, пытался критиковать тему Лазутина за несоответствие своему названию и вообще научному направлению «Средняя атмосфера», в которое он тащил все свои магнитосферные исследования, но поддержки не получил. Да при утверждении нашей с Власковым общей темы («Математическое моделирование средней и верхней атмосферы») при голосовании воздержались Мингалёв и Терещенко, большинство же тем утверждалось единогласно.

От Вити Мингалёва я ждал, что он предложит свою тему в рамках «моего» направления («Математическое моделирование и информатика»), но от него ничего не было вплоть до Учёного Совета, на котором обсуждались темы этого направления. И, естественно, возник вопрос на Совете – а почему у Мингалёва, одного из ведущих, если не ведущего модельера, нет темы в направлении «Моделирование»? Я ответил, что это, действительно, ненормально, но Виктор Степанович ничего не предлагал, а я, зная его категорическое нежелание работать подо «мной», «в одном колхозе», к нему тоже не обращался. Тем более, что Виктор Степанович уже получил свою тему в направлении Мальцева «Исследования геокаспа». Но, если Виктор Степанович всё же предложит тему, я готов её рассмотреть и на этот случай зарезервировал часть средств. Совет рекомендовал нам уладить взаимоотношения и найти общий язык. Витя после этого подал мне предложение, но общего языка мы с ним по-настоящему так и не нашли. Своё предложение он изложил в таких расплывчатых формулировках, что я попросил раскрыть их конкретное содержание. Витя заикался. Тогда я сам сформулировал, что мне бы желательно получить от них, т.е. от его группы в рамках нашей с Власковым темы за соответствующую сумму денег. Витя в принципе не возражал, на чем мы вроде бы как и сошлись.

В конце января в Апатитах проходил традиционный семинар «Физика авроральных явлений», на который обычно съезжались чуть ли не все магнитосферщики бывшего Союза, а в этот раз иногородних было раз-два и обчёлся – Витя Сергеев от Пудовкина, Фельдштейн от ИЗМИРАНа да какие-то шальные якутяне, которым то ли президент, то ли парламент их Сахи якобы выделил на науку достаточно средств, чтобы выезжать в Европейскую часть. Правда, тогда ещё цены на авиабилеты не были такими сумасшедшими как сейчас, но для москвичей они уже оказались недоступными, отчего даже из НИИЯФА никого не было.

Я выступил с докладом по «горячей зоне» в протонофере, в котором представил результаты наших с Клименко и Кореньковым исследований влияния плазменных движений на тепловой режим протоноферы и верхней ионосферы. Результаты были интересными и сами по себе, и тем, что были на руку Юре Мальцеву с его революционной теорией геомагнитной бури, отвергавшей (или умалявшей) важную роль магнитосферного кольцевого тока. Наш механизм разогрева внешней плазмосферы и генерации связанных с ним устойчивых субавроральных дуг полярных сияний также делал необязательным наличие кольцевого тока.

Слава Ляцкий, правда, высказал некий скепсис в отношении наших результатов, но мне было видно, что он не очень-то в них разобрался, точнее, не в результатах, а в постановке задачи. Витя Мингалёв, нападавший на нашу модель (из-за якобы неприменимости гидродинамического приближения на больших высотах) при утверждении моей с Власковым темы, здесь на семинаре почему-то воздержался от всякой критики; впрочем, кажется, на моём докладе его вообще не было...

В те же дни в Апатитах состоялся очередной Учёный Совет, на котором обсуждалась судьба мастерских и обсерваторий. Мастерским практически при общем согласии было отказано в гарантированном бюджетном обеспечении – живите, мол, на заказах, если сможете, и это был уже не мелкий шаг на пути к сокращению штатов, там человек тридцать, если не больше, работало.

Обсерваториям (Лопарская, Ловозеро) финансирование гарантировалось, но Апатиты добивались статуса обсерватории для своего стратосферного полигона и прочих апатитских средств наблюдений, часть из которых велась нерегулярно. Мурманчане возражали, поскольку не с меньшим основанием они могут требовать аналогичного статуса для своих баз в Верхнетуломском, Туманном, Лоймале, содержание которых ложилось на конкретные темы, выполнявшиеся на этих базах.

Совет притязания Апатит отклонил (сами апатитяне не были вполне единодушны), в очередной раз подпитав уверенность недовольных апатитских сотрудников, главным образом, из многочисленной лазутинской команды, в том, что Мурманская администрация (Пивоваров и Намгаладзе) намерена вообще Апатиты задавить и все сокращение за их счёт провести (мастерские-то ведь тоже апатитское подразделение!).

Это было, конечно, не так. В Мурманске уже существенно сократилась многочисленная Ейбоговская команда, было ликвидировано РСУ, на очереди стоял гараж, а содержание здания и экспедиций требовало куда больше людей и средств, чем в Апатитах. Последнее, впрочем, не встречало сочувствия у апатитян: на наши, мол, деньги (или, в крайнем случае, общие) содержите такие хоромы, от которых нам никакой радости нет. Вы там в аренду площади сдаёте, а непонятно на что доходы с этого тратите.

Такие же, кстати, разговоры и в Мурманске ходили, сколько я не разъяснял, какие с кем договора по использованию наших помещений заключаются.

А, кстати, помимо договоров со «Створом» и МЦИ подписан был, наконец (31 января), договор и с ЭКОСом (Ведерников, которого уговорил Хабиев), который за семь комнат с двумя телефонами на пять лет обещал поставить к концу первого квартала вычислительной техники на 70.000 долларов (двухпроцессорный комплекс «Компак СистемПро» со всякой периферией и матобеспечением к нему, существенно более производительный, чем та машина, которую мы приобрели вместе с МЦИ на створовские деньги, но менее ёмкий по памяти внешних устройств).

Большинству, однако, вся эта техника на фиг была нужна. Зачем нам ВЦ? Мы же не институт моделирования. Это всё Намгаладзе для себя гребёт.

560. Пивоваров и Лазутин

После двух подряд январских Ученых Советов в Апатитах следующие два (февральские) проходили в Мурманске. Обсуждались накладные расходы, проблема переселения в Мурманске (надо было готовить помещения для ЭКОСа и для тех, кто ещё мог появиться на аналогичных условиях, а народ в Мурманске сидел по одному в кабинетах на троих), была названа, наконец, сумма денег, выделявшаяся на каждое направление (180 т. руб. на полгода), и в эту сумму должны были уложиться штатные расписания тем каждого направления.

Тут, конечно, начали страсти разгораться. Те руководители тем, которые набрали много народу, ломали голову – как теперь с зарплатами быть? Будем в отпуска за свой счёт уходить, если денег не хватит, – уверяли они дирекцию, представляя штатные расписания, не укладывающиеся в выделенные суммы. А где гарантия? Силой ведь не заставишь людей потом заявления об отпуске без содержания писать, у них у всех трудовые договоры с директором подписаны.

Наибольший перебор был у Лазутина, который не только весь свой бывший отдел расписал по трём темам своей половины направления «Средняя атмосфера» (вторая половина средств принадлежала Власкову – второму руководителю этого направления), но и не отказывал любым желающим работать у него из других подразделений. В результате он набрал людей примерно вдвое больше, чем мог содержать на выделенные ему деньги, но сокращать никого не собирался. Это был откровенный саботаж – знать ничего не знаю, делайте, что хотите. В глазах же апатитян, особенно его подчинённых, он был героем, защитником народа от сокращения, борцом с кровожадной администрацией.

Как-то после одного из Учёных Советов в Мурманске в 310-й аудитории, где проходило заседание, задержалась Галя Мингалёва. Она приезжала на этот Совет в связи, кажется, с утверждением её в должности старшего научного сотрудника. Я подошёл, поздравил с повышением, и между нами состоялся разговор-объяснение, давно, конечно, необходимый, тяжёлый для обоих и в общем-то обоим не удовлетворивший.

У Гали всё на грани слёз, куча претензий: – Мы на тебя надеялись, а ты нас предал, начал топтать...

Я пытался мягко возразить, будучи убеждённым, что они (Витя с Галей) просто не могут простить мне мою лояльность по отношению к Пивоварову, который отодвинул Витю из замдиректоров. Но переубеждать Галю очень трудно, и её увёл к себе в гости Власков ненадолго перед поездом, прекратив наши мучения. Хорошо было лишь то, что мы с Галей оба согласились – взаимоотношения наши ненормальны. А вот как их нормализовать – осталось неясным.

Расставшись с Галей, я пошёл к Пивоварову и застал директора бурно негодующим в своём кабинете перед Ивановым, Ляцким и Мальцевым, как оказалось, по поводу Лазутина.

Судя по всему, Юра Мальцев выступил в качестве ходатая за Лазутина перед директором, чем того и разгневал. Юра к Лазутину относился очень хорошо, как он сам откровенно объяснял, по причине личной признательности за благодеяния Лазутиным Юре оказанные – за приглашение в отдел на должность завлаба, за высокую зарплату и за первый выезд в командировку за рубеж – в Прагу, кажется, и за невмешательство в научную деятельность и т. д. и т. п., то есть за всё то, что Юра у Славы в отделе не имел, а у Лазутина получил.

Пивоваров же, в отношении к Лазутину, как и ко многим другим, подвергавшийся довольно большим перепадам – от «Лёня, дорогой», до крайней неприязни, в данный момент был в пике самой настоящей озлобленности и клеймил Лазутина на чём свет стоит.

Он, мол, и наукой-то никакой никогда не занимался, и аэростаты его никому не нужны, и Хататов из ЦАО – ведущий специалист по аэростатам – лазутинские результаты ни во что не ставит, и единственное, что Лазутину нужно – это кресло директора, а сам денег для инсти-

туда добыть не может, только требует – дай на содержание большой толпы, которая непонятно, чем занимается.

Почему остальные должны укладываться в то, что есть, а Лазутину надо особо добавлять? Пусть не у дирекции требует, а у других направлений занимает. Только кто ему даст и чем он отдавать будет?

По большей части всё это было верно, но Юру как-то не очень, похоже, убедило, из-за пивоваровских пережимов, наверное. Мне он потом сказал, выйдя от директора:

– Пивоваров – опасный человек. Я его боюсь. Он ведь потом и меня так же съест сможет, как сейчас Лазутина пытается.

Я попытался его разуверить:

– Ещё неизвестно кто кого съест. Лазутин-то уж не ангел.

А Юра Мальцев, между прочим, остался без собственной темы, будучи руководителем направления. Направление ему досталось (не без моей подсказки Пивоварову) – «Исследования геокаспа» (поначалу Пивоваров эти исследования жутко рекламировал и сам возглавлял, без особых успехов, потом остыл).

Юра от предложения курировать это направление не отказался, правильно расценив его как повышение своего статуса, хотя сам геокаспом особенно не интересовался. Его волновала геомагнитная буря, новую теорию которой он строил, и он рассчитывал получить на это деньги от Ляцкого – руководителя направления «Магнитосферно-ионосферные возмущения».

А тот ему не дал: самому, мол, не хватает, а у тебя целое собственное направление. Юра же честно раздал деньги своего направления на ряд тем, хоть как-то касавшихся геокаспа, включая мингалёвскую, да ещё и Лазутину в долг отдал (безвозвратный, конечно), а сам остался без темы, сетуя на Ляцкого. Тот, в свою очередь, считал это придурью Юриной: а чего он, мол, Ваньку валяет?

561. Семейное предприятие в Севастополе. Бурные дебаты в Апатитах по поводу лазутинцев

Ну, а что Шубин – кэгебэшник молодой, которому мои консультации понадобились? Приходил он ко мне в январе, и я добросовестно просвещал его по глобальному моделированию. Красть, говорю, нам на Западе нечего. Никаких таких секретов у них нет, которые нам быгодились, программы мы сами умеем не хуже их лепить. Вот суперкомпьютер бы у них уволочь – это да, в этом-то вся загвоздка, всё их преимущество. Нам бы их вычислительную технику и никаких проблем с глобальным моделированием, не говоря, правда, о входных данных экспериментальных, но это уже проблема не моделирования, а мониторинга.

Шубин мне поверил и был явно огорчён: – Какого же хрена мне такую задачу поставили?

– Вот уж не знаю. Тут ничем помочь не могу. А про глобальное моделирование верхней атмосферы – любые подробности, какие хотите, пожалуйста. Самая лучшая в мире глобальная модель верхней атмосферы как раз под моим руководством сделана и от Запада мне для неё ничего не нужно акромя компьютера мощного.

На этом мы с ним и распрощались. Шубин от меня ушёл откровенно разочарованным.

Милочке **22-го января** сорок лет исполнилось! Из Севастополя никаких вестей не было, от Любки знали только, что Павел ту же свою работу (наладку РЭА на кораблях) теперь как частная фирма делает, а Милочка у него бухгалтером, и Ромка там же чуть ли не директором, семейное предприятие, короче.

Из Владимира новости были плохие: деду Николаю срочно операцию делали после кровотечения кишечного, опухоль вырезали, к счастью, не злокачественную. Перепугались, конечно, и бабуля, и дед. Но обошлось. Может, пить теперь перестанет?

Митя из Москвы звонил: стипендию дали повышенную – 500 руб.! Символическое, конечно, вознаграждение при новых-то ценах, но всё же.

Но вернёмся в ПГИ.

К концу февраля переход на потемное финансирование (по крайней мере, в Мурманском отделении) практически завершился изданием ряда приказов, которыми прежняя структура в виде отделов и лабораторий ликвидировалась, и утверждалось новое штатное расписание. Должности, в него не вошедшие, сокращались. По Мурманскому отделению их набралось порядка сорока.

Новыми структурными единицами стали ВТК – временные трудовые коллективы из сотрудников, работающих на данной теме. Тем и, соответственно, ВТК получилось 24, т.е. в среднем по 4 в каждом направлении, но в моём, например, три, а у Власкова с Лазутиным – шесть и т. п.

Начальником ВТК (точнее и.о. руководителя) утверждался научный руководитель темы, а там, где их было двое, как у нас с Власковым (который работал по двум направлениям: «Математическое моделирование» и «Средняя атмосфера») надлежало провести выборы одного из этих двух (Боголюбов настоял, который решал все процедурные вопросы реорганизации, как главный бюрократ и дока по этой части).

На нашей с Власковым теме собрались: Града Петрова, Аля Осепян (из ветеранов ПГИ, девушки за 50 с гаком уже), Татьяна Чурикова (все кандидаты наук), работавшие с Власковым по Д-области, и непосредственно мои подопечные, нацеленные на освоение большой модели, – Вадим Качала, Миша Волков (тоже кандидаты), Олег Мартыненко, Сашуля, Эля Суднищина, и Серёжа Заичка, двое последних – молодые стажёры-исследователи.

Мы с Власковым предложили этому коллективу выбрать меня начальником, поскольку Власков уже возглавлял ВТК на «Средней атмосфере» (по частичным отражениям), и коллек-

тив меня «выбрал» в лучших старых традициях отсутствия других вариантов, а Боголюбов ещё иезуитски требовал протокола этого «выборного собрания».

Мы с Власковым установили оклады народу по имеющимся деньгам и слышали (к моему изумлению) претензии от Али Осемян – мало, мол, дали именно ей, старшему научному сотруднику, который столько лет пашет. Еле её Власков ублажил как-то. Тоже мне девушка перспективная. У нас с Власковым духу просто не хватило отказаться и от неё, и от Грады, пенсии получают, не бедствуют, для науки, что могли, уже сделали, так эта ещё и не довольна.

В Апатитах же продолжалась бодяга с тремя темами лазутинского направления, руководители которых (сам Лазутин, Вашенюк, Ларин и Васильев) упорно не желали приводить свои штатные расписания в соответствие с выделенными деньгами.

Пивоваров, похоже, просто не знал, что с ними делать. Он, впрочем, в детали процедуры перехода к потемному финансированию вообще не вникал, подписывая в своем стиле без раздумий документы, подготовленные Боголюбовым и одобренные мной. К тому же, он едва ли не больше времени проводил в Москве или за границей, чем в институте, без особых, кстати, результатов своих командировок. А поскольку во время его отлучек директорские обязанности исполнял я, то мне пришлось и пытаться развязать лазутинский узел в Апатитах: я попробовал поубеждать строптивцев.

Специально для этого я в Апатиты не поехал бы, но Пивоваров велел мне поучаствовать в совещании по информационному экологическому центру при КНЦ – похвастаться вычислительной техникой, которую ПГИ вот-вот получит (имея в виду договора с МЦИ и ЭКОСом) и намекнуть, что информэкоцентр надо в Мурманске при ПГИ создавать на базе этой техники, что я и проделал – выступил, похвастался, намекнул.

А остальное время потратил на тяжёлые переговоры-уговоры с Сафаргалеевым (председателем профкома Апатитского отделения ПГИ), Лазутиным, Васильевым и Козеловым. С Лазутиным я даже не пытался разговаривать – тот явно готов был идти на любой конфликт, пошёл в разнос, что называется, и меня в гробу видел – сиди, мол, у себя в Мурманске и не суйся не в свои дела. От соруководства направлением Пивоваров его отстранил, но Лазутин оставался руководителем темы, утверждённой на Учёном Совете, а вторым человеком на этой теме (по влиянию на народ) я считал Володю Козелова, с которым и решил поговорить.

Суть моей позиции была проста. Приказы надо выполнять. Существует такая вещь как исполнительская дисциплина. Как быть с руководителями тем, не исполняющими приказы директора, это пусть Пивоваров решает. Но они ведь подвесили людей, которые оказались вне утвержденного штатного расписания и формально могут быть подвержены сокращению в первую очередь. Об этом я и хотел бы их предупредить. Затеять же бузу, бунт на корабле – сейчас более, чем неуместно, имея в виду неясные перспективы у всей Академии Наук.

Первым я разговаривал с Володей Сафаргалеевым – симпатичным, мягким, крупным, усадым, числящимся в молодых ещё сотрудником Славы Ляцкого. Он был согласен с тем, что правила игры для всех одинаковы, и их надо соблюдать. Но как быть в данной конкретной ситуации – не представлял. Неуверенный в себе народ толпой бросился к Лазутину в надежде, что он их защитит, не бросит, не отдаст на сокращение. Как их переубедить?

Пивоваров был уверен, что Лазутин идёт напролом, и игнорирует его только потому, что у него есть отходные варианты, ему есть куда уйти, оттого он и такой смелый. А народ его вообще может оказаться у разбитого корыта, если Лазутин уйдёт (он в Бразилию, например, на год собирается). Надо убеждать людей искать места на других темах, если само руководство не может провести отбор.

Понимал ли я тогда, что это всё фигня – предлагать народу искать место на других темах? Кто их возьмёт, кому они нужны? Были бы нужны, их уже взяли бы. Тут я, пожалуй, лицемерил. Ничего кроме сокращения я реально предложить не мог, а хотел, чтобы народ безропотно на это согласился.

И чем мне Сафаргалеев мог помочь? Тем только, что обещал разъяснить местному и народу позицию дирекции – все руководители тем обязаны укладываться в выделенные средства со всеми вытекающими отсюда последствиями, исключений не должно быть не для кого, иначе бардак будет просто.

Ларин и Васильев – соруководители одной из лазутинских тем (исследования озона) поначалу с невинным видом недоумевали: какой перебор? Учёный Совет утвердил их тему, программу работ, а они составили штатное расписание под эту программу, иначе (меньшими силами) она просто не может быть выполнена. Не могут же они сознательно обрекать себя идти на невыполнение темы, утверждённой Учёным Советом!

– Вы мне, пожалуйста, лапшу на уши не вешайте, – возражал я. – Я прекрасно помню, что решал Учёный Совет, если хотите, можем протоколы поднять. Утверждалось научное направление работ, а отнюдь не их объём. И каков будет объём финансирования, вы представляли, когда составляли программу. А главное, есть приказ директора – представить на утверждение штатные расписания в пределах выделенных средств. Почему не выполняете?

Ну и поехали – опять двадцать пять.

– Мы не можем, все люди нужны...

– Добывайте деньги.

– Может Лазутин ещё добудет...

– Вот когда добудет, тогда и набирайте народ.

На том и кончили, ни о чем не договорившись.

Последним с Козеловым беседовал. Повторил всё то же самое, что Сафаргалееву, Ларину и Васильеву говорил. А в ответ услышал сверхбурную тираду:

– Вы с Пивоваровым задались целью разрушить апатитское отделение, ликвидировать все экспериментальные исследования, превратить ПГИ в институт моделирования. Вы в ПГИ без году неделя и не цените то, что годами создавалось. Вы аморальные личности, абсолютно безнравственные! Вы не держите своих обещаний!

И ещё чего-то в этом же духе. Я только и нашёл, что возразить:

– Ну, Владимир Павлович, Вы всё же не папа римский, чтобы о моей нравственности судить.

Не ожидал я от него такой ярости. С тем и уехал из Апатит.

А закончилась история так: Пивоваров махнул рукой и сдался, оставив всё как есть. Формально он согласился дать деньги Лазутину как бы взаймы, в зачёт второго полугодия – об этом они договорились по дороге в Кируну, куда на оптическую конференцию выезжало много апатитян, там, в автобусе, они Пивоварова и охмурили. Так что зря я старался. Ну, а что эти «взаймы» так и канут безвозвратно – я ни на секунду не сомневался. Во втором полугодии с финансированием не лучше, а хуже будет.

В Кируне, по рассказам, Лазутин откровенно издевался над Пивоваровым, пользуясь его незнанием английского и демонстрируя своё свободное владение этим языком и свои обширные дружеские связи со скандинавами, которым он в открытую жаловался на Пивоварова – вот, мол, родная дирекция сворачивает мои исследования, за которые ему там какую-то медаль вручили. Пивоваров нервничал, комплексовал, но поделать ничего не мог.

562. Март – апрель. Совещание по «Арктике» в ПГИ для «Салюта». С Ляцким и Кореньковым о моём авторитаризме. Поездка в Лопарскую. Натаскивание собак на медведя

В марте (11—13-го) Пивоваров проводил в ПГИ совещание по Арктике «а ля Кара-Даг», посвящённое на этот раз не моделированию, а мониторингу, причём с акцентом на «Салютовскую» платформу, поскольку на это совещание «Салют» в лице Андрея Лощина и его начальства (Бурлаков – зам. Генерального конструктора) почему-то возлагал какие-то надежды, перечислил на его проведение сколько-то там тысяч руб. (20, кажется) и принял в нём активнейшее участие.

Я ко всей этой суеде Лощининской с их платформой относился уже вполне скептически, но по долгу службы продолжал в ней участвовать, не пренебрегая хоть и мизерными шансами чего-нибудь с этого поиметь. Не денег, так связей, может быть, новых, полезных. На совещание приехал и Кореньков с надеждами чем-нибудь поживиться, а заодно и наши дела по модели обсудить, побывал на семинаре по нашей с Власковым теме, с народом нашим познакомился.

Модель на 386-м компьютере уже всю стрекотала, хоть и без теоретической термосферы, которую, впрочем и в Калининграде Бессараб со Смертиным никак до ума не могли довести. И как я понял из разговоров с Юрой (в том числе и телефонным ещё до его приезда), в Калининграде кое-кто (Смертин, разумеется, в первую очередь, и Володя Клименко, да и Юра сам, пожалуй) беспокоился: а вот в Мурманске нашу модель запустили, а что мы будем с этого иметь?

Я ещё раз сформулировал свою позицию, которую каждый раз напоминал в Калининграде при приездах туда, и которая не встречала вроде бы там никаких возражений: мы совместно (обсерватория и ПГИ) доводим модель до того вида, в котором она была задумана и публично заявлена, после чего пишем и публикуем коллективную монографию по модели.

И пока это не реализовано, какие могут быть торги? Или их эта цель уже не интересует? Или они не видят вклада ПГИ?

Все пэгэвские разработки для РС – к вашим услугам, пожалуйста; все расчеты, выполненные здесь, – так же; авторство в публикациях – как и было всегда в Калининграде – по вкладу. Участие ПГИ позволило уже как минимум вдвое увеличить количество расчетов, ибо РС работает не менее производительно, но куда более надежно, чем ЕС1046 в Ульяновке.

А в перспективе, если уже в этом году новая техника в ПГИ появится, даже сравнить нельзя будет вычислительные возможности. Я их здесь создаю для нашей общей задачи, разве это не достаточная плата? А деньги по договору с «Салютом» разве не через меня они получили? Сами-то никаких не сумели добыть.

Юра со всем этим соглашался, но говорил, что народ (на самом деле Смертин с Клименко) это как-то всё забыл, моё отсутствие несомненно ослабило бывшие чувства ко мне как к «отцу-основателю». Я уже для них главным образом начальник из чужой организации, бесплатно использующий их разработки.

Сошлись мы на том, что нужно заключить Договор о сотрудничестве между КМИО и ПГИ, в котором следует зафиксировать цели совместной деятельности и права сторон. Этот договор мы и составили с ним перед застольем по случаю праздника 8-го Марта, покатавшись предварительно втроём с Сашулей на лыжах.

Накануне мы с Юрой прошли по большому кругу при температуре +4°, меняясь лыжами, но, главным образом, он на пластике, а я на деревьях, которые практически все

не скользили, а 8-го было -2° и скольжение улучшилось, но у меня нога чего-то разболелась, так что мы ограничились прогулкой по Большому Питьевому озеру.

Вечером после первого рабочего дня совещания я затащил к себе домой Славу Ляцкого, а Кореньков и так у меня остановился, и мы хорошо посидели за бутылкой у нас на кухне вчетвером с Сашулей. Обсуждали, естественно, злобы дня, в том числе, где деньги добыть, или как людей сократить.

С этого и перешли на мою жёсткость, жестокость даже, как Слава считал. Чересчур уж я, мол, безжалостный, прямолинейный, к авторитаризму склонный, друзей лучших даже не слушаю, которые советуют помягче быть, не возбуждать народ своей принципиальностью.

Я же, подвыпив, упёрся: так, мол, и надо, иначе нельзя, время такое суровое, вот Гайдар – молодец, а ему тоже советуют – помягче, мол, нельзя так круто. Ещё круче надо, скорее отмучаемся. А друзьям легко советы давать, пусть сами попробуют народу нашему угодить. И нечего ему угождать.

Договорился, пьяный, до цитаты: избави, мол, меня Бог от друзей, а с врагами я сам справлюсь. Хорош гусь. Слава Богу, что друзья у меня, действительно, друзья и не обиделись: про то, мол, и говорим, что заносит тебя, чёрт знает куда.

А на следующий день участников совещания повезли в Лопарскую. Тут уж постарались Ейбог и его сподвижник Шаршавин, и Волков – начальник обсерватории Лопарская. Не за так, конечно, за салютовские деньги, да и пэгэвских Пивоваров незнамо сколько (не меньше) бухнул.

Погода была отличная: солнце, температура около нуля. Провели толпу по обсерватории, завели в подвалы трёхэтажного жилого дома сауной похвастаться – жаль, мол, народу много, времени мало, а то бы попарили гостей, и повезли в особое место, где собак на медведя натаскивают. Там егеря двух медведей в клетке держат и лось почти ручной неподалеку разгуливает. Специально для гостей устроили натаску собак – зрелище, конечно, экзотическое и захватывающее.

Вдоль просеки длиной метров пятьдесят и шириной десять натянута проволока, по которой скользит кольцо с цепью длиной метров пять, а на цепи медведица здоровенная. Ей вся просека доступна для разгуливания. Спустили собак – четыре лайки. Их сюда специально привозят – обучают медведя «сажать».

Собаки бросаются к медведице, лают, пытаются как бы даже цапнуть её за зад, она от них отмахивается и к себе не подпускает. Поразила меня стремительность, резкость её движений, такая махина, чёрная туша огромная, а как крутанётся – собаки врассыпную и уже, хоть и продолжают облаивать, но шибко близко не лезут.

Натаскивание собак на медведицу, Лопарская, 12 марта 1992 г.

Лишь одна чёрная лайка, неутомимая, опытная, выступавшая в роли учителя, упорно продолжала свои нападки, до хрипоты заходясь в остервенелом лае и крутясь впритык к медведице, целясь ей в зад. Та, в свою очередь, норовила зацепить её лапой. Собственно, между ними двумя и шёл поединок, остальные лайки выступали ассистентами, облаивая медведицу на расстоянии двух-трёх метров от неё. Состязание шло – кто вперёд устанет.

И победила чёрная лайка: она и «посадила» -таки медведицу. Это, значит, заставила её сесть на свой зад, прислонившись спиной к дереву. Теперь медведица отмахивалась, не меняя положения своего корпуса, что и требуется для охоты – практически неподвижная мишень, расстреливай.

С этого зрелища гостей повезли к подножью горнолыжной трассы и предложили подняться пешочком по её склону, по специально вырубленным в снегу ступенькам. Поднявшись, мол, приз получают, да и вид сверху красивый. Народ послушно полез. Вид, действительно, красивый.

А приз состоял в том, что не очень-то и высоко – у финиша лыжного спуска – гостей ожидали шашлыки с водкой и пивом – гвоздь программы. Публика была довольна. Навалились на угощение, оживление всеобщее... Вдруг вспомнили – а главного-то гостя внизу забыли, Бурлакова, замгенерального «Салюта»! Он сердечник, лезть наверх не захотел, я тут, мол, пока погуляю. Помчались вниз за ним, помогли подняться, и пил он тут не хуже других.

Пили сначала на воздухе, созерцая показательные спуски на горных лыжах Виктора Гуркалова, электроника нашего главного, потом набились в домик деревянный, где ректор Силезского Университета из Познани, профессор Пулина, гляциолог, делился опытом выживания польской университетской науки в условиях перехода к капитализму.

Пиво на снегу в Лопарской имело для меня неприятные последствия: застудил, наверное, зуб полуразрушенный, и на следующий день мне всю морду флюсом своротило на левую сторону. А я председательствовал почему-то на совещании на всех заседаниях.

Это в стиле Пивоварова – затеять мероприятие и повесить потом на кого-нибудь. Я не отказывался в первый день, чувствуя, что Пивоваров не потянет, поскольку сам не знает точно, чего хочет лично он, и что нужно «Салюту». Наговорить общих фраз он всегда горазд, но надо же и конкретные вопросы обсуждать и решать.

С помощью Лощинина я этот процесс как-то наладил и вёл к принятию нужного для «Салюта» решения совещания, одобряющего концепцию глобального экологического, геофизического и метеорологического мониторинга околоземной среды на базе «Салютовской» тяжелой платформы с лидарным зондированием как главным её элементом (сомневаясь вместе со многими в его осуществимости и уж, по крайней мере, эффективности).

С флюсом продолжать эту деятельность было очень не с руки, и я надеялся, что Пивоваров меня подменит, но он делал вид, что всё в порядке, идет нормально, сам он занят чрезвычайно важными разговорами в своём кабинете, а флюс – это ерунда, мелочи, не обращай внимания. И всё бы ничего, да нашлись скандалисты (дурной Черханов от Израэля, нервный Бакланов от Калабина), которым надо было непременно решение на свой вкус сформулировать – ну, и формулируйте, пожалуйста, предлагайте совещанию, пусть голосуют, – так нет, им надо было, чтобы я проводил их формулировки, на хрен они мне сдались. Пришлось нелюбезным тоном разговаривать.

А тут ещё кабинет у меня потёк от весеннего таяния снегов на крыше, капает прямо над дверью, чуть ли не на головы посетителям. Срам да и только. А Ейбог с Шершавиным мне мозги пудрят – ничего, мол, с этим покрытием поделаться нельзя, надо скаты строить (наклонную крышу надстраивать) или ещё лучше оранжерею на крыше соорудить. А пока пусть заливает, что ли? Хоть бы снег вовремя сгребали, да воде не давали бы застаиваться в лужах, сам даже лазал на крышу воду разгонять.

Вечером был банкет закрытия совещания, водка лилась рекой и закуска была полноценная, и всё – бесплатно, как и проживание участников в гостинице. Вот Пивоваров шиканул. Зачем? Как перед народом будет отчитываться? Такие вопросы я ему уже не задавал: хозяин – барин!

Одна накладка была лишь в начале совещания. Пивоваров решил салютовцев поместить в пэгэёвской гостинице (а точнее теперь Шаршавинской – задарма практически Пивоваров отдал ему дом деревянный на верхней площадке, рядом со старым зданием ПГИ, Шаршавин, правда, его сам оборудовал под гостиницу, но из пэгэёвского же ворованного материала). Те прилетели ночью, а гостиница закрыта, нет никого, Шаршавин сроки напутал. Дозвонились до Пивоварова, тот пришёл и повёл их в «Полярные Зори», а по дороге их чуть не накрыла глыба снега с крыши одного из домов на Ленинском проспекте. Буквально в метре от них грохнулась.

563. С Митей и Ириной в Протвино. VI съезд народных депутатов. «Ребята растерялись»

Совершенно неожиданно Пивоваров сподобился вдруг командировать меня за границу – в Финляндию. То, что он ездил по зарубежам когда не лень, а я – нет, меня не волновало по двум причинам.

Во-первых, английским надо овладеть, чем я и занимался, хоть и не форсированно, но регулярно, с очередной, новой англичанкой – Натальей Алексеевной Большаковой, сменившей Ларису Георгиевну Короткову, об уходе которой я очень сожалел, но удержать не сумел – вернулась на преподавательскую работу.

Пивоваров тоже занимался языком, но, похоже, без крупных успехов, что, впрочем, совершенно не стесняло его в общении с иностранцами – с помощью переводчика разумеется, в качестве которого чаще всего выступал Юрий Николаевич Куликов, разъезжавший за это вместе с Пивоваровым.

Во-вторых, за границу надо было везти хороший, новый результат по модели, а с этим дело притормозилось из-за плохой работы ЕС-ки в Калининграде и трудностей переноса модели на РС в ПГИ.

Разъезжать же с экскурсионными, преимущественно, целями а ля Пивоваров (который, впрочем, был глубоко убежден, что решает важные вопросы в этих командировках) я бы, конечно, не против, но рваться к этому, напрашиваться или переживать, что Пивоваров ездит, а я нет, считал ниже своего достоинства, других проблем нет, что ли.

И вот – на тебе, Пивоваров сам предлагает. Вместо себя меня хочет послать, надо же! Подоплёка такого великодушия быстро проявилась. Оказывается, ехать надо на заседание Комиссии по советско-финскому сотрудничеству в области геофизики, обсуждать планы этого самого (точнее, теперь российско-финского) сотрудничества. А возглавлял российскую часть этой комиссии и, соответственно, делегацию – Олег Михайлович Распопов, которого Пивоваров упорно и нахально спихивал с поста Российского сопредседателя комиссии, заручившись поддержкой Калининкова от КНЦ и некоего Ежкова из ГКНТ. Но он недооценил связей Распопова и поддержки последнего от ООФА в лице Мигулина и Прохорова, раздражённых попыткой вмешательства ГКНТ в прерогативы ООФА.

Короче, не только пост сопредседателя Пивоварову не достался, но и пост Ученого Секретаря Российской части комиссии, занимаемый ранее Успенским, ушёл от ПГИ. Распопов назначил на это место сотрудницу ЛО ИЗМИРАН, куда Распопов ушел из ПГИ, Птицыну, да ещё Шумилов Олег, бывший член комиссии от ПГИ, в ней остался, будучи уже сотрудником ЛО ИЗМИРАН, куда он перешёл вместе с Распоповым. Ну а Юра Копытенко в комиссии и раньше представлял ЛО ИЗМИРАН как его директор.

От ПГИ один Пивоваров в комиссии остался, а было четверо, зато лоизмирановцев был один – стало четверо. Пивоваров, разумеется, оскорбился такой наглостью распоповской, и отказался вообще в этой комиссии работать и в Финляндию ехать вместо себя никого не предложил. Тут финны забеспокоились, у них связи-то реальные, старинные с ПГИ, а не с ЛО ИЗМИРАН, стали Пивоварова упрашивать: если не может приехать сам, то хоть прислал бы кого-нибудь.

Вот тут Пивоваров и предложил поехать мне и Куликову, откровенно признавшись, что он в одной компании с Распоповым и Шумиловым быть не может, тем более за границей, когда зависит от каждого соотечественника, владеющего английским. Ну не может, так не может. Я отговаривать не стал, был вполне уверен в своих дипломатических способностях в данной ситуации. В первый раз за границу в капстрану предлагают – отказываться что ли?

Поездка намечалась на 4 дня с 21 по 24 апреля, и чтобы успеть оформить документы, я отправился их проталкивать в Москву, в УВС – Управление внешних сношений при Президиуме АН. В Москве я пробыл десять дней **с 23 марта по 2 апреля**.

А там как раз Ирина на курсах повышения квалификации обучалась, оставив Михаила с Иваном на два месяца одних, так что я в этой командировке с обоими своими детьми пообщался. Встречались с сухим вином у меня в номере, поганеньком, но одноместном, в четвертом корпусе гостинице АН, что на площади Хо-Ши-Мина в одном здании с рестораном «Ханой», прямо над подземным переходом с входа в метро «Академическая». Ирина сообщила, что у них с Иваном ребенок будет в ноябре, что я и поприветствовал, спросив: – Плановый или как? – Плановый. Ну и хорошо. Молодцы. Смелые ребята. Время, конечно, веселое, но чего же ещё ждать, Иван не молодой уже. Справитесь.

Ездили с Ириной к Бирюковым, а туда в качестве сюрприза Любка с Андрюшкой заявились (Андрюшка в Питер в этот день уезжал, а Любка Бирюковым позвонила так просто и узнала, что я там буду сегодня с Ириной). Андрюшка был то ли с бородой, то ли с усами, но очень симпатичен.

Ездили втроем (я, Митя, Ирина) в Протвино. Там нам Любка с Жоркой с гордостью демонстрировали кошку, которая позволяла себя швырять куда угодно, чётко вцепляясь когтями в цель, повисая, например, на косяке. За это, наверное, она стянула на кухне и обгрызла кусок семги, который я привёз с собой из Мурманска в качестве гостинца.

В Протвино, конечно, развал как и повсюду. Из Серпухова еле добрались до него на автобусе. Перспектив никаких. Город при ускорителе. А кому он нужен, этот ускоритель? Ситуация одна из тяжелейших в нашей науке. Помаленьку можно за бугром подрабатывать, Жорка вот в Австралию собирается, но всех же за границу не переселишь. А ещё не так давно завидовали – Протвино! ИФВЭ! «Мы – физики» – книга толстая, скорее фотоальбом, в нашей квартире калининградской среди книг по искусству (почему-то) до сих пор стоит.

С Митей по Москве болтались – плеер покупали, купили китайский «International» за 1.500 руб., чем были довольны ибо чуть не купили за 1.700 при ценах от 1.300 до 2.100. Правда, летом его уже чинить пришлось у Саможанова за 150 руб., но это уже детали.

По утрам я бегал до МГУ и обратно или ещё куда-нибудь на такое же расстояние, минут на 20 бега. Бегу раз по Профсоюзной, по правой стороне от центра, вдруг слышу рядом со мной сзади «Дзам!», оборачиваюсь: «Жигули» в столб долбанулись, лобовым ударом. Заснул водитель, наверное. Теперь он сидел с закрытыми глазами, придавленный согнутым рулем.

Народу поблизости, кроме меня, никого не было. Рядом с местом аварии какая-то контора, женщина как раз входную дверь ключом открывает. Я спросил, есть ли у них телефон. Она впустила, и я вызвал ГАИ и «Скорую».

Потом вернулся к машине. Там стояли уже человека три и глазели, не зная, что делать. У водителя небольшими струйками текла кровь из носа, рта и глазниц. Я сказал, что сейчас «Скорая» подъедет. Тут водитель открыл мутные глаза и проговорил, с трудом, правда, ворочая языком: – Я тебе дам «Скорую»! Никаких «Скорых» чтоб не было...

Я ответил: – Не волнуйся. И не шевелись. Отдыхай.

И побежал дальше. Ибо тут уже толпа целая собралась. Лихие, однако, ездоки. Пьяный, наверное, с гулянки ехал. И заснул. На тротуар вылетел. Мог не в столб врубиться, а в меня, например, сзади.

Обратно я бежал по другой стороне Профсоюзной, но ГАИ и «Скорая» ещё были на месте происшествия, водителя в «Жигулях» уже не было. Гаишник, похоже, опрашивал свидетелей.

Загранпаспорт я оформил без происшествий, но за визой ещё предстояло поехать в Москву. Побывал в ГКНТ бывшем, теперь снова Мин. науки, но всё в том же здании на Тверской у Центрального телеграфа, пообщался там с известным чиновником Борисом Ивановичем

Имерековым, через которого деньги проходят по программе «Арктика», вручил ему по поручению Пивоварова экземпляр «Решения Совещания по мониторингу Арктики», над которым тот поусмехался и просил передать Пивоварову, что деньги по Арктике будут, но чтобы он перестал с Трошичевым воевать, кто главнее. Пивоваров не принимал Трошичева за руководителя всей программы (у которой ААНИИ был головной организацией) и отказывался ему отчёты посылать – ещё один бзик.

Вернувшись в Мурманск, я нашёл лыжный сезон в самом разгаре. Почти весь март (по крайней мере, до моего отъезда в Москву) температура воздуха в Мурманске днем была плюсовая, до +5°, но снег, правда, держался. А в апреле по утрам стабильный морозец -5°-10°, днём, конечно, потеплее, но всё же, в основном, минусовая температура, так что мы с Сашулей ещё катались по солнечной нерасквашенной лыжне, пока в Москве шумел VI Съезд народных депутатов, на котором Хасбулатов измывался над правительством («Ребята растерялись», и уход правительства по взмаху руки Бурбулиса).

В качестве тренировки общения с иностранцами перед поездкой в Финляндию мне довелось в отсутствие Пивоварова, куда-то в очередной раз умотавшего, принимать Манфреда Ланге, директора Арктикцентра Лапландского Университета из Рованиеми, рассказывать ему о ПГИ и о наших экологических устремлениях. Более подробно, точнее, многословно на последнюю скользкую тему говорил по поручению Пивоварова Куликов, и я поразился с какой непринуждённостью, если не сказать с нахальством, тот выпросил у Ланге обещание пригласить Пивоварова и его самого в Рованиеми на какой-то экологический конгресс. В очередной раз я пожалел о своей малограмотности лингвистической, и не в последний, конечно.

564. Санкт-Петербург – Лахти. Хельсинки. Демократы... Развалили страну, вот и ПГИ сейчас разваливают

17 апреля мы с Куликовым улетели в Москву; не задерживаясь, получили в УВС загран-паспорта с визами, и я перебрался в Ленинград, то бишь Санкт-Петербург, чтобы взять заранее билеты на автобус до Лахти, которым отправлялась в Финляндию Распоповская команда. У Куликова семья в Москве, ему удобнее было появиться в Питере перед самым отъездом, а мне, напротив, не хотелось лишний раз стеснять Бирюковых, да и с билетами стоило подстраховаться, хотя по телефону мне обещали из агентства, что проблемы не будет даже и в день отъезда.

В ночном поезде Москва – Санкт-Петербург я оказался в одном вагоне с Олегом Шумиловым (тесен мир!), который, разумеется, на одну тему способен только был говорить – какая Пивоваров редиска. Заодно всем «демократам» досталось. Меня он дипломатично оставил вне критики, даже как бы посочувствовал, что мне с такими засранцами приходится работать.

Остановился я в Сестрорецке у Бургвицев. Тётя Тамара была вся в заботах о своей новой недвижимости – половине деревянного дома, доставшейся ей в наследство от умершей Вали Мироновой, которую тётя Тамара опекала в последние склеротические годы её жизни.

Дом был развалюха, но дачники в нём с удовольствием на лето селились. Задами дом выходил на озеро Разлив, а фасадом на Ленинградскую улицу (или Мосина?), бывшей раньше отрезком ленинградского шоссе, проложенного теперь по другую сторону железной дороги. Это уже не Сестрорецк, а Разлив, или как раз посередине между этими двумя станциями, минутах в десяти ходьбы от дома Бургвицев.

На этой «даче» я провёл целый день, готовя тексты на английском для возможных выступлений в Финляндии. Хорошо побегал в Сестрорецке, новый маршрут проложил: вдоль Сестры в курорт, оттуда по берегу Финского залива в Дубки и домой. Или в противоположном направлении. А главное, корюшки поел вдоволь, хотя в речки сестрорецкие она ещё не зашла по-настоящему, но в заливе её уже ловили сетями и в продаже была.

Путешествие в Финляндию началось на углу улицы Ракова и набережной Фонтанки, оттуда отправлялся шикарный ненашенский (шведского производства, кажется) весь стеклянный автобус Санкт-Петербург – Лахти. Цена билета 800 с чем-то тогдашних рублей. Это самый дешёвый способ выехать в Финляндию, поездом за доллары гораздо дороже.

Отправление в 16.00. Здравуюсь с Распоповым, Шумиловым, Копытенко – все ведь с нашей кафедры физики Земли, ещё Пудовкин из Швеции подъедет. Тридцать лет почти знакомы, с Распоповым и Копытенко в экспедициях вместе бывали, а с Шумиловым Димуля Ивлиев где-то зимовал, в Тикси, кажется, но сердечности никакой. Знакомы и знакомы, только и всего.

Ещё Клеймёнова Наталья Георгиевна из ИФЗ, тоже с тех времен (с середины шестидесятых) знаю. Вот только с Птицыной лишь по телефону общался. Автобус заполнен менее чем на половину, не зря наличие мест гарантировали.

В Выборге раздают бланки таможенной декларации для заполнения, и я осознаю, что зачем-то взял с собой деньги 2000 рублей, забыв совершенно, что провозить можно только 300 рублей. Обращаюсь к своим спутникам за советом – те ведь все не в первый раз таможенные досмотры проходят – что делать? Вписывать в декларацию или нет? Собственно я уже вписал с ходу, а потом задумался – стоит ли?

Реакция неожиданно перепуганная, можно подумать – я чёрт-те что сотворил. – С ума сошёл! Зачем тебе эти деньги? Негде оставить было? Можно, конечно, на таможне оставить, но потом обратно их получить как бы проблемой не стало...

Короче, решаю на свой страх и риск: прошу новый бланк, вписываю туда разрешенные 300 рублей, которые оставляю в бумажнике, остальные перекладываю в нагрудный карман пиджака. Авось обыскивать не будут. Но неприятное всё же ощущение.

Снять его помогли причитания тётки, сидевшей позади нас с Куликовым. Она сама русская с Украины, едет по приглашению родственницы, которая тут в Финляндии уже лет 10 живёт, на свадьбу её дочери, и везёт с собой вина сверх разрешённых двух бутылок водки. Это вино и не давало ей теперь покоя, совсем бедную замучило.

– Понесла нелегкая Дуньку в Европу! Это же сраму не оберёшься, ежели найдут! И куда его девать? Может выкинуть, чёрт с ним? Я этого страха не перенесу, сердце не выдержит. Может вы, ребята, возьмёте?

Мы успокаивали её, как могли.

– Нельзя, так они сами отберут, зачем выкидывать? Объясните, что Вы не знали, сколько нужно провозить, что на свадьбу везёте, может, и разрешат.

Мои лишние рубли никого, естественно, не интересовали. В таможене на финской стороне «зелёная» и «красная» линии. По «зелёной» проходят те, кто не сомневается в дозволенности провозимого багажа, по «красной» – кому не всё ясно со своими правами. Разумеется, честная тётка попёрлась на красную линию, единственная среди всех пассажиров.

Прошедшие досмотр напрямиком направлялись в «шоп» – небольшой магазинчик – рядом с таможеней, набитый всякой сверкающей всячиной, где уже можно присматриваться к ценам. Никто, конечно, ничего не покупал, так, экскурсия в ожидании отправления автобуса. Наконец, всё закончено, можно ехать.

В автобусе уже сидит счастливая тётка, потрясённая впечатлениями:

– Представляете, они такие вежливые! Я им всё объяснила, так они смеялись, что я так волнуюсь, сказали – не беспокойтесь, проходите. О, Господи! Поехала Дунька по Европам!

В это время мы уже действительно «ехали по Европе». Чего там говорить, разница ощущается сразу – от ровной дороги до вида за окном, благо сидишь, как в аквариуме. Леса-то как в Карелии, а домики аккуратные, все словно только что построенные, свежее выкрашенные, у каждого домика машина стоит, велосипеды и никаких заборов, абсолютно. Народ весь в ярких куртках и штанах, словно специально во всё новое вырядился. Короче, картина известная, не неожиданная, а всё же впечатляет после отечественной загаженности и разрухи.

В Лахти нас встречал Осмо Аулама, молодой ещё парень, учёный секретарь финской части комиссии, с ним микроавтобус комфортабельнейший, на котором едем дальше в Хельсинки, где запланирован «митинг». Оказывается, заседать будем даже и не в Хельсинки, а на борту корабля какого-то, который из Хельсинки куда-то поплывёт. Тут же в микроавтобусе нам выдают «командировочные» в конвертах – по 450 финских марок на трое суток, это примерно 100 долларов. Гостиницы, завтраки, обеды уже оплачены. Так что это нам на карманные расходы.

В Хельсинки прибываем где-то около 11 вечера, поселяемся в гостинице в одноместных номерах, своей чистотой ещё больше контрастирующих с нашими «номерами», чем внешний вид их и наших зданий. Цветные телевизоры сверхчёткого изображения с дистанционным управлением, спутниковая антенна, множество каналов, преимущественно на английском, а также французском, финском – не захочешь, а языки изучишь, и программы разнообразнейшие – политика, спорт, искусство, познавательные передачи, фильмы, только кнопки нажимай, как на баяне.

Мы с Куликовым оказываемся по соседству, на общем этаже, договариваемся поужинать вместе из собственных запасов у меня в номере.

Обнаруживаем, наконец, и недостаток финского гостиничного сервиса: стаканчики в номере пластмассовые, кипятить в них воду кипятильником неудобно, они от горячей воды деформируются, оседают, но пить чай всё же можно, хотя стаканчики потом приходится выки-

дывать. Впрочем, они и так одноразовые. В следующий раз кроме кипятивника стаканы надо брать гранёные.

Изучаем карту Хельсинки, которую мне Града Петрова дала, выясняем, что находимся в самом центре города, рядом с Финским Метеорологическим Институтом – организатором совещания.

Утром я встаю рано и отправляюсь на пробежку – специально для этого кроссовки, штаны, ветровку взял, чтобы было что вспомнить – как по Хельсинки бегал.

Погода чудесная, ясная, хотя лишь градусов пять тепла, ещё недавно прошла волна холода, выпадал снег и не везде он даже растаял. Сразу нахожу, где бегать: за ФМИ – спорт-площадки, за ними Ботанический Сад, вот вокруг них и побежал, озираясь, пока не выбежал снова на улицу, где гостиница находится. С трамваями, между прочим. Витрины по ходу, разумеется, оглазел.

После пробежки – душ и завтрак – «шведский стол» в гостинице. Очередные впечатления изобилия, на этот раз едового. Ешь чего хочешь, сколько влезет. А хочется всего. А выбор обалденный. Сил нет описывать.

Появился Пудовкин. Он где-то рядом в Скандинавии лекции читал, чувствует себя как дома здесь, но взъерошен, неаккуратно одет и хмур. Нечаянно слышу из-за стола, где он с Распоповым и остальными завтракает: – Демократы... Развалили страну, вот и ПГИ сейчас разваливают. Интересно, про кого это Пудовкин: про Пивоварова со мной или про Ляцкого с Мальцевым?

Утро у нас свободное до двенадцати, гуляем по Хельсинки, я взял с собой фотоаппарат (ФЭД-5), фотографирую просто улицы. Конечно, заходим в магазины, которых тут прорва, больше, кажется, только банков. В магазинах всё сверкает до приторности, но цены в переводе на рубли высокие, товары все фирменные, дорогие, дешёвого ширпотреба не видно, говорят, русские всё выгребли.

Всё как рассказывали. Наш знающий Митя говорил, что нет смысла там валюту тратить, лучше к нам везти. Я и не трачу, хотя можно было бы, например, двухкассетник купить, даже пару на выданные карманные.

В 12.00 собираемся в вестибюле гостиницы, знакомимся с Суксдорфом, председателем финской части комиссии, пожилым уже геофизиком за шестьдесят, с Пеллиненем – сравнительно молодым замдиректора ФМИ, начальником отдела геофизики, который, кстати, располагается на последнем, шестом этаже здания гостиницы, в которой нас разместили, а весь остальной институт занимает здание современной постройки по соседству.

На такси нас отвозят в гавань, до которой, впрочем, пешком идти недалеко, но везут, похоже, главным образом из-за наших сумок, отягощенных дозволенными к провозу бутылками водки. У причала стоит пара белоснежных громадин – лайнеров линии «Викинг Лайн». На одном из них – «Изабелле» – нам предстоит суточное путешествие по Финскому заливу – до Таллинна и обратно, в ходе которого мы и должны решить все вопросы предстоящего российско-финского сотрудничества в области геофизики.

В огромном здании морского вокзала проходим таможенные процедуры – за границу же отплываем, и знакомимся с остальными членами финской части комиссии – Матти Ниemi-ненем из «Ти-ти-комити» (финской конторы по научно-техническому сотрудничеству с Россией), учившимся когда-то в Москве и свободно владеющим русским, моложе Пеллинена ещё (но старше Аулама), Тауно Туроненом, пузатым, то ли седым, то ли светловолосым, говорливым, известным геофизиком, директором обсерватории Соданкюла, и Иормой Кангасом, профессором геофизики из Университета в Оулу.

Последние двое хоть и помоложе Суксдорфа, но в возрасте, где-то под шестьдесят (как, впрочем, и Пудовкин с Распоповым – давно ли были молодыми). Слово «знакомимся» отно-

сится, главным образом, ко мне, я только с Кангасом встречался в ПГИ, и отчасти к Куликову, остальные все давно и хорошо друг друга знают.

В 13.00 загружаемся на пароход. Это плавающий отель какой-то многоэтажный, с лифтами, девять палуб, кажется, из них пять или шесть для пассажиров, нижние – жилые, над ними ресторанные, пивбарные – магазинные, с почти стеклянными бортами для обозрения и на самом верху – палуба залов для заседаний и конференций разных размеров, соответственно оснащённых необходимой оргтехникой. Одно из таких помещений арендовано организаторами встречи для нашего совещания.

Каюты, правда, у нас нижайшего класса, двухместные, без иллюминаторов, тесноватые, но как всё в Финляндии – аккуратненькие, всё сверкает и блестит. Впрочем, нам здесь только переспать ночь.

«Изабелла» отходит, мы любуемся видом города, я поражаюсь тем, как наша машина проходит впритирку к островам на выходе из гавани – это какая же тут глубина сразу у берегов?

Нас угощают изумительным пивом. Выясняем, что в Таллинне захода не будет, проплывём мимо города вблизи и только. Смысл развлечения для финнов – в самой морской прогулке, в посещении пивбаров, ресторанов (все с видом на море) и магазинов на корабле, где цены заметно ниже, чем на суше. Есть сауна, бассейн, плати и пользуйся, отдыхай. Буржуйский отдых.

В 14.00 начали, наконец, работать, заседать то есть. И с коротким перерывом на нечто вроде ланча (кофе с обильными холодными закусками тут же в салоне заседания), занимались этим делом до полвосьмого вечера.

Суксдорф, Ниеминен и Пеллинен сделали обстоятельные доклады о прошлом, настоящем и будущем российско- (так и просится сказать советско-, но у них и раньше было «рашен», а нам непривычно) финского геофизического сотрудничества.

Распопов хвастался проектом переоборудования военного самолета под летающую геофизическую лабораторию, а дальше по пунктам обсуждали план совместных работ и взаимных визитов, заранее заготовленный из предложений реально сотрудничающих групп, в пределах средств, отпущенных «Ти-ти-комити» и советскими научными учреждениями.

Практически все работающие финские геофизики уже были давно разобраны разными советскими напарниками, вроде Успенского, Яхнина, Тимофеева из ПГИ, выступающими, главным образом, в качестве генераторов идей, а финны – их реализаторами, причём количество предложений из России всегда превышало возможности финнов откликнуться по причине количественной несоизмеримости отрядов советских и финских геофизиков.

Причём, если последних больше интересовала наука в этом сотрудничестве (не рубли же деревянные), то наших, разумеется, привлекали финские марки в первую очередь. И вклиниться в эту систему очень трудно, как я понял.

Тем не менее, я вручил отски нашей статьи в ЈАТР Пеллинену, Кангасу и Турунену в качестве первого шага такого втискивания. Следующими шагами в этом направлении должны были стать совместные выпивки, к которым финны по общему мнению (и моим личным впечатлением о Симпозиуме в Ольгино) весьма предрасположены, и которые не заставили себя долго ждать.

Закончить работу за один присест не удалось, да и не планировалось. В 20.00 – ужин (или обед?) в ресторане, точнее, в одном из них. Из четырёх, кажется, блюд с переменной вин к каждому, заключая кофе с коньяком. Но безо всяких водок.

Мы с Куликовым оказались за одним столом с Натальей Клеймёновой, Кангасом и Туруненом. Последний был самым разговорчивым в компании, не взирая на своё ужасное произношение, вследствие чего я мало что понял из его рассказов.

А вот про него самого Клеймёнова рассказывала историю, как, будучи в Союзе, он ехал в компании советских геофизиков из Москвы в Ленинград поездом и ночью отправился в туа-

лет... босиком (привык, понимаешь ли, к ковровым дорожкам у себя в поездах), так ему потом в купе наши одеколоном ноги отмывали.

Обед (или ужин?) в ресторане был, как оказалось, только разминкой к основному мероприятию, которое состоялось в чьей-то каюте непосредственно сразу после ресторана. В дело пошла привезённая с собой водка – по бутылке с каждого русского – и символическая закуска, благо желудки уже были наполнены благородной пищей.

Разгулялись до песнопений Турунена с Пеллинемом, который к тому же подыгрывал себе на губной гармошке. Наши деликатно половинили себе и не жалели водки финским братьям. Гульнули хорошо.

С утра «шведский стол», потом заседание с кофе и опять же с закусками, но, главным образом, с частым питьём холодной воды (очень вкусной) всеми участниками, в особенности же Пеллинемом и Туруненом. Впрочем, не смотря на похмелье, настроение у всех было отличное.

Особенно оно улучшилось, когда работа была закончена и перешли к пиву (изумительному), которым угощали нас гостеприимные хозяева. Мы с Куликовым подарили оставшиеся у нас две бутылки водки Суксдорфу и Кангасу. Те приняли подарки с удовольствием, но попросили передать их не здесь на корабле, а на суше, поскольку они уже затарились тут водкой, а больше двух бутылок через границу (!) нельзя провозить. Так что водку мы им в институте вручили.

В Хельсинки мы вернулись в обед, пообщались ещё в институте, получили билеты на поезд на Лахти и разбежались по городу кому куда хочется, я опять с фотоаппаратом просто бродить по улицам, заглядывая, разумеется, в магазины. Митя просил футболку черную с надписью какой-нибудь, но был ещё не сезон и я только в одном месте подходящую видел, да и то большого размера.

В семь часов вечера отправились поездом в Лахти. Ехать было не менее комфортабельно и обзор был не хуже, чем в автобусе, которым мы ехали из Питера, множество новых построек в пригородах Хельсинки и Лахти производило впечатление разнообразием архитектурных форм, ну и аккуратностью, разумеется.

Через час езды мы в Лахти – известном месте международных лыжных гонок и соревнований по прыжкам с трамплина. Пешком добираемся до гостиницы, где нам заказаны номера. У стойки портье я стою с приготовленным паспортом, а Копытенко смеётся:

– Да не размахивай ты своим документом, кому он тут нужен. Бланк заполнил, деньги уплачены, бери ключи, иди, селись...

Я и в Лахти побегал. И вечером, прямо по улицам мимо ярко освещённых витрин, то туда, то сюда, рискуя заблудиться, и утром по заснеженному городу. Снег выпал ночью, а утром молодые дворники не только соскребали его с тротуаров, но и смахивали со всех стоящих на улице машин.

Номера в Лахти были того же класса, что и в Хельсинки, с такими же телевизорами и одноразовыми стаканчиками, и «шведский стол» на утро такой же пышный. И народ весь спортивный, нарядный и доброжелательный. И город красивый, и жаль, что так мало.

Вот тебе и царская колония бывшая.

Из Лахти тем же автобусом домой в Расею с тремя остановками, на одной из которых мне Шумилов опять голову морочил:

– Ну, ничего, скоро эта бодяга кончится, наши придут!

– Это кто, уж не Макашов ли?

– А хоть бы и Макашов. Он порядок наведёт.

Скучно мне стало. Учёный вроде бы, по за границам разъезжает, а о большевистских порядках тоскует. Ну, ладно, Олег никогда большим умом не отличался, хоть и пыжился. А вот

что Пудовкин – национал-патриот, антизападник, этого я никак понять не мог. Он всё же не Эдик Лимонов. Ну, да Бог с ними.

Через границу переехали, как на помойку попали. Родина задрипанная. Великая держава.

565. Май. Нынче помирать шибко дорого. «Техком». Ейбог. Встреча с Оболенским, который спасал Союз от развала, но не спас. Взвейтесь, брокеры, орлами!

В Сестрорецке ещё корюшки поел, побегал, и в Москву – сдать загранпаспорт и получить свой обычный, оттуда – в Мурманск.

А вслед за мной Митя прилетел на майские праздники. Мы с ним в теннис настольный в ПГИ резались. Однажды с Ейбогом играли – большим и малым – и продули, но в упорной борьбе). И напоследок Митя меня впервые в пух и прах разделал. «Терминатор-2» смотрели вместе с ним по телевизору. Митя не в первый раз, ему фильм очень понравился – дружкой Шварценеггеровского героя и пацана, как я понял.

Из Мурманска Митя еле выбрался в Москву, никак ему ни на что не могли билеты взять, Сашуля в трансе была – прогуливает занятия! Но 9-го я ему сумел взять билет на самолет до Петербурга, откуда уж он сам должен был в Москву поездом добраться.

В эти дни у меня зуб прихватило. В стоматологической клинике услышал такой диалог двух старух:

- Помирать пора... Жить совсем невозможно.
- Ты че? Сдурела? Нынче помирать шибко дорого...

А в ПГИ – драмы с «Техкомом» и бухгалтерией.

Саше Боголюбову, когда он оставался за директора в отсутствие и Пивоварова и меня, попался интересный счёт, выставленный ПГИ некоему «Техкому» за мебель, занавески, ещё какое-то барахло по совершенно символическим ценам сколько-то летней давности. Счет подписан Ейбогом и Ивановой.

Сашу, конечно, очень заинтересовало, кому это ПГИ задарма мебель дефицитную раздаёт. Пошёл в бухгалтерию. Там ничего не знают. Вот было письмо от «Техкома»: «... В порядке оказания материально-технической помощи прошу предоставить...» то-то и то-то – список целый, за подписью главного инженера Шамрова. Сверху резолюция Ейбога: «Прошу предоставить».

Ну, что Шамров Ейбоговский приятель, Саша знал. А про «Техком» – ничего. У Ейбога Саша спрашивать не стал, а решил провести собственное расследование. Обратился прямо в администрацию городскую – что за контора, мол, такая, какой адрес у неё юридический?

– Халтурина, 15, телефон 6—03—37, – отвечают. Наш, то есть адрес. ПГИ.

– А кто учредитель и кто возглавляет этот «Техком»?

– А это Вы по адресу узнавайте.

У себя, то есть.

Во, дожили. Учёный секретарь не знает, что за контора пользуется юридическим адресом института. И замдиректора по науке не знает. Тут Пивоваров появился. Саша к нему:

– Что за «Техком» такой у нас обретается?

Пивоваров плечами пожимает:

– Не знаю.

Саша изумлённый опять ко мне. Я ему:

– Ейбога надо брать за бока.

Саша весь кипит:

– Неужели Пивоваров в самом деле ничего не знает, и почему это его не волнует совершенно? А с Ейбогом я не буду разговаривать, он мне наверняка ничего не скажет.

– Я поговорю с ним. Но сначала с Пивоваровым.

Пивоварову я рассказал про счёт, повторил, собственно, всё то, что он уже слышал от Боголюбова. Сказал, что разделяю Сашину тревогу в отношении Ейбога, что тот, похоже, зарвался и открыто разбазаривает институтское добро вместо того, чтобы его оберегать и приумножать, что ему по должности положено. Что это за «Техком» такой, кто его здесь приютил, если не сам Ейбог?

Пивоваров сказал, что, может, и слышал про «Техком» от Ейбога, но не помнит ничего, что Саша зря драматизирует ситуацию, надо спокойно разобраться, поговорить с Ейбогом.

– Ладно, я поговорю.

Со мной Ейбог темнить не стал и сообщил, что «Техком» – это частная фирма, которую он, Ейбог, и возглавляет.

– Так как же, Михаил Александрович, Вы сами себе институтское добро передаёте?

– Институт имеет право продавать по остаточной стоимости.

– Но это же всё равно, что бесплатно. Цены-то уже в десятки раз выросли. А у нас что – мебели излишки?

– Если бы не я, этой мебели вообще в институте не было. Я эту мебель сам доставал. Да и какая это мебель – пара столов да пара шкафов.

– И поэтому теперь считаете её своей собственностью? Это же Ваша обязанность служебная – мебель и всё такое прочее доставать.

– Да, пожалуйста, давайте я оплачу по какой вам нравится цене.

– Нет. Никаких продаж. Счёт я задержал. А мебель надо просто вернуть.

– Как скажете.

– И потом, Михаил Александрович, надо определяться: нельзя одновременно и на государственной службе матценностями распоряжаться, и частную фирму возглавлять, это же запрещено Указом Ельцина, как раз чтобы таких соблазнов не возникало – «передавать в порядке материально-технической помощи».

– Я согласен. Но я не хочу совсем уходить из ПГИ, столько сил в это здание вложил, я же его строил. Давайте, я весь транспорт ПГИ вместе с шоферами в «Техком» заберу и буду обслуживать ПГИ, это институту намного дешевле обойдётся, чем самим гараж содержать.

– Это деловое предложение. Можете не только гараж забрать, но и охрану, и электриков. Надо только договор грамотно составить и в ПГИ Вам замену найти. Может, Гуркалова?

– Можно и Гуркалова.

– Ладно, будем думать.

Только я закончил разговор с Ейбогом, Пивоваров вызывает нас обоих к себе, а там у него Боголюбов, Власков, Байдалов (как предместкома). Тема все та же – ситуация с «Техкомом».

Пивоваров предложил Боголюбову высказаться. Саша изложил историю со счётом и со своим расследованием, что за контора такая «Техком», еле сдерживая своё негодование.

Я пересказал содержание нашего разговора с Ейбогом.

Власков категорически высказался за то, чтобы Ейбог выбрал – или ПГИ, или «Техком», а поскольку ясно, что от своей фирмы он не откажется, значит, в ПГИ должность надо оставить. И мебель надо вернуть.

А вот Пивоваров выступил очень интересно. Он вроде бы и с Боголюбовым, и со мной, и с Власковым согласен в принципе, нехорошо Ейбог поступил, но не надо далеко идущих выводов делать. Указ Ельцина на нас напрямую не распространяется. Мы не государственная, мы общественная организация. Так что не надо было никаких расследований проводить, это кэгэбизм, нам тут Дзержинские не нужны...

И ускакал в Апатиты.

Саша, конечно, оскорбился за кэгэбизм и Дзержинского. И я с ним тоже. В самом деле – Боголюбову больше досталось, чем Ейбогу. Может, врал Пивоваров, что не знал про «Техком»?

После этого (когда Пивоваров вернулся из Апатит) Боголюбов подал ему заявление об отставке, а я завёл на Пивоварова кондуит (досье) на случай, увы, возможной борьбы с ним. Сашу я уговаривал не горячиться и заявление забрать – не время сейчас ультиматумы предъявлять, надо потерпеть.

И на кого он меня оставляет, что – я один буду Пивоварова от глупостей удерживать? Или мне тоже в отставку подавать? Я не могу, я приглашён Пивоварову служить, а не бороться с ним. Осталось полтора года до конца его срока, а там видно будет.

Я ли Сашу уговорил, или сам Пивоваров, но Боголюбов на своём посту остался. Как и Ейбог. Пока.

Вторым после Ейбога или равным ему лицом в АХЧ ПГИ была Иванова – главбух. С Ейбогом у неё отношения были тёплые, со мной – прохладные. С Пивоваровым – формально почтительные. Я её, честно говоря, терпеть не мог. Стервоза, господи прости. Но где другую найдёшь, за такую-то зарплату?

Иванова ещё в конце прошлого года стала намекать, что при нашей зарплате ей не прожить (без мужа, но с «Волгой»), что её в другие места зовут, и, наконец, подала заявление с просьбой уволить её по собственному желанию. Я её уговорил подождать в надежде на улучшение финансирования или, по крайней мере, замену себе подготовить.

Улучшения финансирования не произошло, и замену себе Иванова не нашла, мало того, вся её бухгалтерия потихоньку разбежалась. Правда, сама Иванова пока оставалась, и Пивоваров меня уверял, что она блефует и уходит не собирается, и, кроме того, она здесь в «Створе» подрабатывает у Шаршавина и ждёт повышения зарплаты.

Где-то в марте Иванова новое заявление об уходе подала – совсем, мол, хочет уезжать с Севера на Украину. Пивоваров опять не поверил, говорил мне какие-то слова, что сейчас невозможно контейнер на Украину отправить, ещё чего-то, короче, и на это заявление не отреагировал. Мне же разведка донесла: Иванова с 28 мая не собирается на работу выходить, у неё уже билеты взяты. И, действительно, 28 мая Иванова преспокойно бросила ПГИ – ну вас всех, идиотов. Судись с ней, она завтра уже в другом государстве.

Пивоваров в это время в Москве был. В бухгалтерии один бухгалтер, Екатерина Александровна Невская, новая, тихая женщина, ей Иванова бухгалтерскую книгу передала, и кассир – Зоя Петровна Черемных – верный доносчик на Ейбога и Иванову. И все дела запущены, учёт материалов с января не вёлся. А в июне отчёт полугодовой. И лето началось, отпускные начислять надо потоком. Где бухгалтеров брать?

С улицы не приведёшь, да и не пойдут они к нам. Пошёл на поклон к инспектору по кадрам Лене Пурышевой и Наталье Свиридовой из планового, первая начинала в бухгалтерии, второй часто бухгалтерам помогать приходилось – выручайте. Согласились за надбавки. Ещё программистов мобилизовал – Валю Терещенко и Наталью Линкевич, последняя вообще согласилась перейти в бухгалтерию от Байдалова, боясь сокращения. Во главе команды я поставил робкую Невскую и бросил её в бой, веля ко мне обращаться со всеми неясностями.

И процесс пошёл – заработала бухгалтерия.

А Пивоваров приехал: Москва в панике, число институтов на 60% собираются сокращать! Слухи привёз. Вместо денег.

Оболенский вдруг появился, Александр Митрофанович, бывшего СССР народный депутат, соперник Горбачёва: не желает ли народ с ним пообщаться? Пивоваров ему: да, да, конечно, сейчас соберём в актовом зале. Явился человек десять. Послушали лепет о том, как он спасал Союз от развала, но не спас.

– А как можно было Союз спасти?

– Войсками.

– Это как в Югославии, что ли?

– Мы – не Югославия.

Вот тебе и социал-демократ. Скучно. Как с Шумиловым. Впрочем, из пришедших Слава Сазанов и Рюрик Александрович Перцовский с Оболенским были солидарны. Остальные никакого интереса к легендарной личности не проявили. Надо же.

По местному радио объявили, что юные мурманские брокеры отдыхают в лагере «Орлёнок»: – Взвейтесь, брокеры, орлами!

Письмо Мити от 19.06.1992 г.

...В последние дни времени свободного у меня было совсем немного. И только после сдачи математики удалось выкроить полчаса, чтобы написать тебе. Сейчас только два занятия составляют основную часть моего времяпрепровождения: экзамены и чемпионат Европы по футболу.

Сначала о первом. На сегодняшний день мне осталось сдать только один экзамен – физику, 26 июня. Поскольку в середине семестра я сдал на «5» коллоквиум по механике, на экзамене мне необходимо отвечать только по теме «электричество», что значительно облегчает мою задачу...

...Теперь о футболе. Главной проблемой, которая стояла передо мной, было отсутствие телевизора в нашем общежитии, поскольку из телевизионной комнаты сделали склад вещей. Из-за телевизора, в основном, я и поехал во Владимир, хотя там он по-прежнему капризничает, выключается почти что каждую минуту, но часок поработает и уже выключений практически нет. Матч открытия я смотрел у Бирюковых, 3 матча 1-го тура во Владимире, а, приехав в Москву, я всё-таки нашёл место, где был телевизор – в главном здании на 9-м этаже работала телевизионка, где я и смотрел матчи 2-го тура...

Наша сборная показывает давно всем известный футбол, и пока в этом преуспевает. Не показывая в сущности никакой игры в атаке, наши очень крепко держатся в обороне, и ни голландцы, ни немцы не смогли её пробить. Такой футбол не может нравиться зрителям, однако, при этом у нашей сборной весьма большие шансы выйти в полуфинал, однако, для этого придется выигрывать у шотландцев, а при такой игре выиграть невозможно, нужно менять тактику и неизвестно, что из этого получится...

566. Июнь – Июль. В Мурманске +30°! Рыбалки с резиновой лодки под обсерваторией

Июнь в Мурманске блистал перепадами температуры: **3-го июня** от +2° до +19°, **8-го** от +3° до +13°, **11-го** от +7° до +20°, **12-го июня** +26°, **13-го июня** +30°!

Ходили с Сашулей загорать на ближнее озеро, сгорели, я купался в озере 3 раза, вода чистая, холодная, градусов десять, но удовольствие получил. **14-го июня** +29°, **15-го** +23°, **16-го** от +17° до +5°!

В ПГИ пришли деньги по «Арктике». Я предлагал Пивоварову присоединить их к основным бюджетным деньгам и распределить по тому же принципу – через руководителей направлений. Пивоваров ничего мне на это не ответил, а потом оказалось, что он делит эти деньги сам, раздаёт кому сколько считает нужным. В основном, уболажает Апатиты. Ну что же, хозяин – барин. Предложил и мне денег, для моего ВТК. Я отказался – вроде бы хватает, а набирать ещё людей не собираюсь.

– А калининградцам?

Тут я, конечно, отказываться не собирался, оживился:

– Калининградцам позарез надо, у них совсем худо с деньгами.

– Тысяч семьдесят их устроит?

– Вполне.

– Оформляй договор.

– Отлично. Ребята обрадуются, хоть какое-то подспорье.

Я как раз в командировку туда собрался, а оттуда в отпуск. Этот жест Пивоварова я оценил. Отдавать деньги на сторону в это время, когда своим не хватает, – надо мужество иметь, а он ведь ещё и красноярцев своих подкармливает.

Интересно, Пивоваров выделил из «Арктики» деньги Мингалёву на моделирование средней атмосферы, чем Витя никогда не занимался. Якобы, по подсказке Славы Ляцкого, чтобы развести Мингалёва и меня. Пивоваров считал это мудрым политическим ходом.

Витя деньги взял. Я считал это бесперспективным для Вити делом – с его кадрами и без надлежащей вычислительной техники, но отговаривать никого не стал – ни Витю, ни Славу, ни Пивоварова. Считают, что так лучше, и слава Богу.

Деньги по «Арктики» сократили ряды сокращаемых, особенно в Апатитах, в Мурманске же процедуру сокращения в отношении нескольких человек, не ушедших по собственному или с переводом куда-нибудь, пришлось провести от начала до конца. В число таких попал и Николай Алексеевич Горохов, доктор наук, возглавлявший в своё время лабораторию распространения радиоволн и исполнявший обязанности директора ПГИ в период между уходом со своего поста Распопова и избранием Пивоварова.

Ему Пивоваров предложил найти для себя договорные деньги, связи-то у Горохова, слава Богу, всю жизнь договорами кормился, но тот не сумел и упросил Пивоваров предоставить ему неиспользованные отпуска за несколько лет, может, он за это время найдёт что-нибудь. Пивоваров согласился на отпуск с последующим увольнением, если ситуация не изменится.

Яростное сопротивление своему сокращению оказал инженер Потапов, довольно скандальный мужик пенсионного возраста, бывший активист партийных собраний. Для начала Потапов отказался расписываться в том, что он предупреждён о своём сокращении, это положено делать не позднее, чем за два месяца до увольнения. Ему предложили расписаться на списке сокращаемых должностей напротив своей фамилии. Этот список существовал в виде моей служебной записки Пивоварову, так Потапов заявил:

– Я чужую переписку (Намгаладзе с Пивоваровым) не читаю.

И на этом основании не стал эту бумагу в руки брать. Боголюбов его устно предупредил и засвидетельствовал это своей и инструктора по кадрам подписями.

Тогда Потапов обнаружил, что сокращается должность инженера-электроника I категории, а у него в трудовой книжке записано, что он просто инженер I категории, а никакой не электроник и никогда не был электроником. В это обстоятельство он клещом вцепился.

Действительно, три года назад ему изменили при аттестации должность с инженера на инженера-электроника, а в трудовую книжку это изменение по вине отдела кадров не внесли. Но в утверждённых (за подписью директора и гербовой печатью) штатных расписаниях трёх последних лет он фигурировал именно как инженер-электроник 1-й категории с соответствующей зарплатой, которую он исправно получал.

– Знать ничего не знаю, вот у меня в трудовой книжке записано, что я инженер 1-й категории, а вы сокращаете должность инженера-электроника 1-й категории – упёрся Потапов и подал жалобу в областной совет профсоюзов, присовокупив к ней и то, что он не предупреждён, как положено о сокращении, и то, что профком института не поддержал большинством голосов его сокращение (3 – за сокращение, 3 – воздержались).

Областные профсоюзы радостно откликнулись и бросились защищать попранные права и интересы трудящегося, направили в ПГИ протестующее письмо и своего правового инспектора – толстенную нахальную молодую тётку, то ли кавказской, то ли среднеазиатской национальности. По всем трём пунктам потаповской жалобы она встала на его сторону и принялась в моём кабинете на меня бочки катить, что за руководители такие, мол, безграмотные пошли.

Я, наверное, ещё озлобил её тем, что бестактно спросил, поместится ли она в кресло для посетителей напротив моего стола или ей удобнее будет на стул сесть (я, действительно, был озабочен – не заклинит ли её меж ручек довольно узкого кресла).

Поначалу я ей терпеливо разъяснял по каждому пункту что и как, но она и слушать не желала, не хуже Потапова.

– Не имеете права, отменяйте свои приказы!

Кончилось тем, что я довольно бесцеремонно выпроводил, если не сказать выгнал, её из своего кабинета. Что за манеры! Я её к себе не приглашал. Заявилась в чужой кабинет и концерты устраивает.

Но на профком наш она произвела впечатление. Вот как надо по-боевому интересы трудящихся защищать, не то что мы тут идём на поводу у администрации – это Терещенко-старший и Мельниченко запели, главные борцы за права человека. Я им и предложил на профкоме – вот и возьмите Потапова к себе в подразделение, то-то вам Евгений Дмитриевич спасибо скажет!

Пришлось ещё и нашему профкому доказывать, что Потапов – инженер-электроник 1-й категории по штатному расписанию, по зарплате, которую получал, по работе, которую выполнял, а отсутствие записи в трудовой книжке – это упущение отдела кадров, а, значит, и всей администрации, но сути дела не меняет. И, конечно, Потапов ознакомлен вовремя о своём сокращении, тому свидетели есть. До ругани дело дошло. Но профком решения никакого не принял, и Потапов в отпуск ушёл. Отправился в отпуск и я. Но сначала в командировку на неделю, как и планировал, туда же – в Калининград.

Улетел **18-го июня**. А Сашуля через неделю отправилась во Владимир. **26 июня** Митя сдал последний экзамен, а с ним и всю сессию на отлично, и **3-го июля** мы с Мишей (Миша с цветами) встречали Сашулю с Митей в Калининграде.

Город обновился симпатичнейшим памятником (копией того, что был при немцах) Канту около Университета; по центру города бродили кучки немецких туристов; на Прегели напротив Дворца спорта «Юность» приткнулись в качестве гостиниц (главным образом, для иностранцев) два больших теплохода с Волги. На рубке «Hotel Hanza», на борту «Семён Будённый».

Лето было жаркое. До 35° доходило (**10-го августа**), чаще же в пределах 22°-28°. Развлечения стандартные:

на песочке валяться у заставы или в Зеленоградске, в море купаться (Мишино любимое занятие при любой температуре воды),

янтарь искать, где бросает,

футбольные матчи «Балтики» посещать,

мотоцикл, разумеется, на ходу поддерживать,

рыбалка,

Олимпийские игры в Барселоне по телевизору,

выпивки с Кореньковыми («Зубровка», «Гавана-клуб»), Лебле (азербайджанский коньяк с горбушей), Опекуновыми («Наполеон»), Карповыми,

изредка в кирхе семинары.

Грибов, правда, совсем не собирали из-за сухости, на заставе пожары всю лесные похали.

А вот новое совсем дело – сарай у деда на огороде строили, целая эпопея.

С рыбалкой, надо честно сказать, удач практически не было, хотя вспомнить о чём есть. Рыбачить я решил, главным образом, на заливе в Ульяновке. Куда переправил на обсерваторском автобусе лодку свою резиновую, балберы, удочки.

В обсерватории у Ирины с Иваном огород, Ваня с Мишей туда регулярно поливать ездят, часто ночевать остаются, если на машине нужно считать, потому там вроде и рыбачить удобнее – ночёвная система отлажена, на диване спать лучше всё же, чем в палатке.

А на заливе торчи хоть с до рассвета, хоть до затемно.

Лодку, правда, таскать по круче с берега в обсерваторию не особенно удобно, особенно, когда комары свирепствуют, но ничего, приспособились вдвоём на головах нести, чтобы не спускать и не накачивать. Я вообще предлагал её на берегу в кустах оставлять в тёмное-то время, но Иван отговорил. Украдут, мол, обязательно.

Здание же, где мы ночевали, (ближнее к заливу или второе) охраняли две собаки – Гера и Егор. Гера – суровая, почти овчарка. Недавно оценившаяся и где-то щенков прятавшая, по этой причине агрессивная, и в первый же день меня, как незнакомого, цапнула за ногу прилюдно, за что получила побои от Кореньковой, но потом мы с ней подружились, через подкормку, естественно. А Егор – шибздик чёрно-белый, мелкота добродушная, к ним ещё кобель здоровый из Ладыгина присоединялся и они шумно носились втроём по песку за вторым зданием, сопровождая нас с лодкой до залива и купаясь там.

Проблема была с червями, опять же из-за сухости, особенно с выползками, которые зарылись чёрт-те знает на какую глубину. Мелких червей я добывал в дёрне, в верхнем слое у корней травы, а однажды мы с Митей провели экспедицию на опилочные отвалы за ЦБК, где червя много, но тоже мелкий, для плотвы, а не для балбер.

В тот раз, кстати, набрав червей, мы отправились с Митей на дизель в Ладушкин – на рыбалку с ночёвкой в обсерватории, а по дороге на вокзал у Нижнего озера я сообразил, что червей-то мы дома забыли. Времени же впритык было. Ехать без червей – бессмысленно. Вернулись. И попробовали успеть на поезд. За шесть минут до отхода дизеля мы были ещё у гостиницы «Калининград», и всё же успели, даже билеты взяли, а садились на ходу, хорошо дизель задержался на пару минут.

Вечером поставили балберы на ночь вдоль камышей метрах в тридцати от них, но за ночь никто не попался, хотя все крючки были объедены начисто. Сменили червей утром и попробовали у камышей с лодки удочками ловить, но волна качала лодку всю, даже в камышах, мы замёрзли, Митя укачался, отправились снимать балберы и сняли 5 окуней, из них три приличных, один попался на ерша, севшего на крючок.

А за неделю до того (**30-го июня**) у нас уже был с Иваном пробный выезд на лодке с балберами. Поставили их вечером на расстоянии в полчаса примерно гребли прямо от берега, на глубине метр семьдесят примерно, а перед этим я на удочку около камышей поймал две густёрки и подлещика. Густёрок порезали и тоже на крючки балбер нацепили. При проверке балбер перед отплытием к берегу на ночевку сняли трёх окуней.

Вечер был чудесный, со слабым восточным ветерком, после жаркого (32°) дня, когда мы купались с лодки с Михаилом и Игорем Сироткиным. Михаил сгоряча бухнулся с лодки, а глубина ему с головой, перепугался, хорошо я в воде, а не в лодке был.

А утром ситуация изменилась, задул умеренный юго-западный ветер, отжимный, т.е. от берега. Лодку явно сносило в сторону Калининграда, и мы на балберы с первого захода не вышли, долго кружили, потом погребли строго на запад и выгребли-таки на балберы, сняли их с четырьмя окунями и погребли к берегу.

Но не тут-то было. В лучшем случае нам удавалось удерживать лодку на месте, волны несли её на ту сторону залива, к островам. Не попробовать ли буксировать её, глубина вроде небольшая. Иван разделся и потащил лодку, а я подгребал.

Глубина была Ване по шею, но волна захлестывала с головой, так что идти он мог только на цыпочках. Так мы продвинули лодку метров на двести к берегу. Иван в воде закоченел, она сверху была тёплая, а у дна не шибко, и забрался в лодку, весь дрожа и лязгая зубами.

Но главное дело он сделал, мы отошли от сильной волны и в четыре руки придали лодке устойчивое движение к берегу. Но даже и эта гребля не согрела Ивана, так он замёрз. Я предлагал тут на берегу под солнышком отогреться, но Иван, вспоминая «Адмирала Нахимова» и другие случаи смерти от переохлаждения, настоял на том, чтобы лезть наверх, в обсерваторию, к чаю и одеялам.

Так и сделали. Впопыхах даже рыбу на берегу в траве забыли, пришлось мне возвращаться. А Иван после чая храпел на диване, как в обмороке.

Суммарный улов – 7 окуней – не составил и двух килограммов. Уху, конечно, сварили дома. Но большего не удалось достичь в этот сезон.

Правда, Ваня с Мишей однажды четырёх лещей привезли с Прегеля, с браташей Колей на моторе ходили, но лещи небольшие, ближе к подлещикам, в сумме тоже не больше 2-х килограммов. Ваня к тому же часы потерял.

В третий (и в последний) раз мы с Иваном ставили балберы на ночь 10-го августа, когда днём было +35°! – рекорд этого лета. На этот раз мы поплыли по направлению на трубы Светловской ГРЭС, где скат дна покруче, и поставили балберы с навозником в 15 минутах гребли от берега. Вечером (опять чудесным), однако, их никто не тронул, хотя рыба плескалась.

А утром проснулись в пятом часу – жуть какая-то, сильнейший ветрюга западный несет муть белесую, деревья дугой гнутся. Не решились даже спуститься к воде, сверху посмотрели на барашки, по заливу бегущие и отправились досыпать.

В полдень вроде как потише стало, и мы попробовали добраться до балбер, но сносило так, что, памятуя о прошлом опыте, мы не стали упорствовать и вернулись, пока не отнесло на просторы, из которых уже не выгребсти. И отправились на мотоцикле домой Иринин день рождения праздновать.

На следующий день утром вернулись и нашли-таки двенадцать балбер из 14. На одной сидел лещ, и крупный, так и того не сумели снять, ушёл с самой поверхности воды.

И ещё однажды с Ваней и Мишей спиннинговали на большом карьере у Прибрежного, но впустую.

Вот и все рыбалки.

567. Солдатики – грабители на заставе

Походы за янтарём ненамного удачнее были. Но с острыми ощущениями. **19 июня** отправились на заставу с Митей и Мишей в расчёте на то, что будет «бросать», поскольку три дня до этого дул устойчивый западный ветер, а накануне он стих. Но расчёты не оправдались, ветер опять поднялся, гнал волны, и янтаря, конечно, не было.

А вот на следующий день ветер переменился и стих. Самое то. Надо ехать. Но Михаил с Митей отказались – два дня подряд в одно и тоже место – неинтересно.

Поехал один, с утра. На пляже, у заставы практически никого, а за проволокой один мужик грязь черпает. Пятно неплохое, густое достаточно и янтарное, но янтарь мелкий. Правда, много его.

Я принялся черпать грязь, пока её не отнесло, в свою отдельную кучу на берегу, не отвлекаясь на выбор янтаря из неё, потом буду ковыряться. И натаскал довольно много, пока не замёрз совершенно, да и спина уже гудела. В процессе этого черпания я выловил один большой кусок, сравнимый с самыми моими крупными прежними трофеями, чем, считал, оправдал все мои усилия. Прекратив таскать грязь, я начал рыться в своей куче, выбирая кусочки янтаря и складывая их в брезентовый мешочек из-под плащ-палатки.

Вскоре у меня появились помощники – двое парней из расположенного неподалеку за проволокой госпиталя в больничных куртках. Янтарь, похоже, они видели впервые и азартно выискивали в куче каждый кусочек. Пробовали и сами моим сачком что-нибудь выловить, но пятно уже размазало, и ничего не попадалось.

– А какие самые крупные куски бывают? – спросил один из них.

– С кулак и больше, но это редкость.

– А здесь какие попадают?

– Ну вот я сегодня здесь, например, такой один выловил, – и показал свой лучший сегодняшней экземпляр.

– Ого! А сколько такой стоить может?

– Ну, не знаю точно. По всякому можно продать. Уж за тысячу-то не меньше. Но я не на продажу ловлю, а так, для собственной коллекции.

Покончив с кучей, я завалился загорать, разложив просушиваться штаны проолифенные и воткнув сачок в песок рукояткой. За полчаса до отхода четырёхчасового дизеля я сложил всё своё барахло – штаны, сачок, книжку для чтения в дизеле («Курс английского» Бонк и К°, 2 часть) и мешочек с янтарём – в рюкзак, и с палкой – рукояткой сачка в руке потопал на дизель.

Народу в этой части пляжа не было никого, я поднялся по песку на край обрыва и пошёл вдоль проволоке по заросшей тропе, которую не сразу и найдёшь в густых кустах. И здесь в зарослях я наткнулся на тех двух парней, которые рылись в моей куче. Чего они тут делали – я не обратил внимания, трусы, возможно, выжимали, хотя вряд ли, и на берегу-то ведь никого не было, зачем лезть в кусты. Короче, не знаю.

Я мимо них проскочил и дую себе дальше вдоль проволоки по сравнительно открытому месту. До дизеля ходу двадцать минут, до шоссе пятнадцать.

И на середине пути чувствую спиной, что я на тропе не один. Кто-то ещё идёт или идут, без разговоров, но шаги слышны. Я не оборачиваюсь, но инстинктивно убыстряю ход, да и время уже поджимает. А звуки сопровождения не отстают, такое ощущение, что и сзади быстрее пошли.

Я ещё прибавил ходу – тот же эффект. Неприятное у меня ощущение появилось – тревоги, переходящей в страх нападения сзади.

А впереди насыпь от старой немецкой железной дороги, давно не существующей, перед которой тропа сворачивает от проволоки влево, тут уже и до шоссе недалеко и совсем рядом лесная дорога, по которой народ идёт к морю от дизеля.

Я иду максимально быстрым пешим ходом, только что не бегу, а шаги сзади совсем рядом слышны. Может, кто, глядя на меня, ускоряется, думая, что опаздывает на дизель?

И тут – цап! Сзади хватают за палку, которую я нес в руке.

Неописуемое чувство. Больше всего похоже на судаковскую поклёвку, когда внезапно (но не совсем внезапно, всё же ждёшь этого) ощущаешь тяжесть судака через рукоятку удила. Только там это ощущение сладостное, а здесь скорее чувствуешь себя судаком, чем рыбаком. Впрочем, все эти аналогии потом в голову пришли, а там события развивались молниеносно.

Я палку из рук не выпустил, потому, наверное, что ожидал нападения. Вцепился в нее, оборачиваюсь – те двое. Один пытается вырвать у меня палку и кричит второму:

– Давай, давай!

Морды перекошенные, злобные, ничего похожего на их полнейшее миролюбие на берегу. А до дороги совсем рядом, но на ней никого нет. Вырывая друг у друга палку, мы крутимся, третий вокруг нас танцует и, наконец, вцепляется в мой рюкзак. Я ору:

– Вы чего, сдурели? Отпустите! Кричать буду сейчас!

И завопил во всю мочь:

– А-а-а!

В этот момент оторвалась одна лямка у рюкзака, он повис на руке, в которой была палка, и я сообразил, что рюкзаком надо жертвовать, если хочу целым остаться. Я отпустил палку, облегчив сдирание рюкзака с моей спины, и отскочил в сторону. А грабители с добычей – палкой и рюкзаком – тут же бросились наутёк обратно, по той же тропе.

– Бросьте рюкзак, идиоты! – ору истошно.

Как же, бросили. Но и я не без трофеев: с одного из налётчиков слетели тапочки больничные и я их подобрал.

Вот козлы! Неужели же не найду их в госпитале?

Через 5 минут я был у КПП на Балтийском шоссе, где проверяют документы у въезжающих в Балтийск. От него, собственно, и тянется к морю проволока, вдоль которой я шёл. Рассказываю там про своё приключение, спрашиваю, как в госпиталь пройти. Дежурный офицер, старший лейтенант, полон скептицизма:

– Вы их там найдёте, думаете? Там их несколько сот, бросьте.

– Может и не найду, а попытаться надо. Неужели так оставить? Потому и наглеют, что остальные даже и не пытаются с ними чего-нибудь поделать.

– Бесполезно. Эту публику ничем не проймёшь, совершенно народ одичал, не такие вещи творят.

– Ну, я всё же попробую.

– Да и найдёте если их, как докажете, что они у вас рюкзак отняли, свидетелей же не было.

– Вот, тапки у меня есть одного из них.

– Ну, как знаете. Давайте, я Вас до госпиталя подброшу на своей машине. Он отвёз меня до проходной госпиталя, оттуда я прошёл к дежурному офицеру по госпиталю, молодому симпатичному парню, который внимательно меня выслушал и подробно расспросил, как выглядят парни.

– Один среднего роста, другой повыше, темноволосые оба, коротко стриженные, один немного на азиата похож, но русские оба.

– Это, похоже, дежурные наши.

И распорядился найти их и сюда прислать. А я сижу, жду. Минут пятнадцать, наверное, ждал. Появляются. Они самые, голубчики. Меня увидели – не вздрогнули. Чего, мол, вызывали?

– Они? – спрашивает дежурный.

– Они, – отвечаю. И сам спрашиваю у того, кто не в больничных, а в спортивных тапочках:

– Тапочки не твои? – и показываю ему его тапочки.

– Не-а, я в этих хожу.

– А рюкзак где?

Тут второй к дежурному обращается:

– Можно мы с этим товарищем наедине поговорим?

Я возражаю:

– Какие разговоры? Рюкзак тащите сюда и палку, потом будем разговаривать.

Дежурный вступил:

– Давайте по-хорошему, быстренько, бегом!

Повернулись, пошли. Я опять сижу, жду. Про себя думаю: чего же они не отпираются, какой, мол, рюкзак? Ничего не знаем, и товарища этого в первый раз видим.

Ещё минут пятнадцать просидел. Зовут на улицу выйти. Там у дверей мои голуби стоят. С рюкзаком и палкой.

– Вот. Всё на месте.

– Отойдём в сторонку.

Отошли к кустам. Я велел рюкзак развязать, убедился, что всё, действительно, на месте, включая кусок янтаря, который, по-видимому и соблазнил бедолаг.

– Вы на нас не обижайтесь... Бес попутал. В армии совсем человеком перестаёшь быть.

– Армия, значит, виновата? Сами-то из нормальных семей или из неблагополучных?

– Да из нормальных.

– Откуда?

– Я из Петербурга.

– А я из Бийска, с Алтая.

– Со всех сторон земляки. Я в Ленинграде родился, а жена – из-под Бийска, из Большого Енисейского. Что же вы, землячки, из-за тысячи рублей на грабёж пошли? Так ведь и в зону можно попасть, а там похуже, чем в армии. Из-за пустяков всю судьбу себе поломать рискуете. У тебя крестик на шее болтается, – обратился я к петербуржцу, – верующий или так просто?

– Да так, конечно.

– Вот и зря, что просто так. Был бы верующий, может глупостей бы таких не делал. Ну, ладно. Бывайте. Не дурите больше.

– Не будем. Точно. Это мы не забудем.

Я пожал их лапы. И, не заходя к дежурному, зашагал на дизель. Шестичасовой. На КПП удивились, что своё вернул, и так быстро. Рюкзак, вот только, гады, попортили. С мясом конец одной лямки отодрали. Ладно, янтарь не пропал. Жалко куска было бы.

А могли, ведь, моей же палкой мне по башке как следует трахнуть, чтобы не сопротивлялся. Да я ведь и не сопротивлялся, что и помогло, может быть. Дурачки, что они на меня в кустах-то не напали? И ведь ясно, что они из госпиталя, что их там искать будут, о чём думали? А ни о чём не думали. Чего думать? Хватать надо.

А на берегу так вежливо разговаривали...

И ещё только раз попадали на янтарь – **30-го июля**, когда мы с Митей прошлись по берегу от заставы до Приморска, и повсюду с утра бросало мелочь. Сачком я ничего особенного не выгреб, а Митя нашёл несколько кусков на берегу.

568. Строительство сарая у деда на огороде. «Балтика» вышла в 1-ю лигу, из которой чуть не вылетел «Зенит»

Но больше всего времени мы с Митей провели у деда на огороде. Участок он получил прошлой осенью. И в очень, как я считаю, удачном месте – в Отважном, километрах в пятнадцати от центра города по Багратионовскому шоссе, примерно на пол-дороге к нашим грибным местам во Владимирово. Багратионовским дизелем меньше двадцати минут езды до Южного вокзала, да от станции там минут десять ходу пешком. Короче, добираться никаких проблем.

Этой весной дед с Тамарой Сергеевной начали свой участок осваивать, вскопали половину земли, посадили картошку, зелень всякую, но из-за сухой весны и жаркого лета проблема возникла с водой, ближняя канава пересохла, таскать воду приходилось из леса, где вода стояла в большой воронке от авиабомбы, наверное, метров за триста от участка.

Работа на участке преобразила деда, он загорел, похудел на десять (!) килограммов и на сердце стал жаловаться куда как реже, по словам Тамары Сергеевны. Я был очень за него рад, наконец-то образ жизни сменил, от газет и телевизора здоровье не прибавляется, напротив.

Правда, Тамара Сергеевна жаловалась, что с возросшей трудовой активностью дед стал более вздорным, в троллейбусах скандалит, когда ему место не уступают, командовать не устаёт. Когда болел и еле двигался, более покладистым был. Естественно.

В первый наш приезд с Митей на огород (ознакомительный) мы вскопали, сколько могли за раз земли на необработанном участке, таскали воду, притащили чурбан из леса для стола (в качестве ноги) и вкопали его.

На огороде не хватало, конечно, хотя бы сараюшки какой для инструментов (лопат, грабель, тяпки), которые дед прятал – что в траве, что зарывал на грядках. Но строить дед ничего не собирался: дорого, а самому – материала нет.

Как нет материала? Вон лес рядом, на столбы и поперечины для сарая-то много ли надо? А досок в городе можно насобирать помаленьку. Одному, конечно, тяжело, но если нас с Митей подключить, то какую-нибудь будку запросто соорудить можно.

Тамара Сергеевна нас поддержала: хорошо бы, конечно, хоть чего-нибудь... Дед скептически согласился – попробуем, посмотрим. И в следующую нашу поездку мы с дедом и Митей отыскивали в лесу сухие подходящие лесины, пилили их там (одну живую нечаянно завалили), съедаемые комарьём, и таскали на огород.

За один день заготовили угловые столбы и поперечины. Теперь надо было думать, чем обшивать. Тут инициативу проявил дед.

– Там на Московском проспекте у строящегося моста старый дом немецкий разбирают, отдирают полы, двери, окна, всю обшивку. Я договорился, что можно забрать будет, сколько нужно, досок. Подъезжайте завтра с Митей на мотоцикле туда, я машину найду, погрузим, я с шофёром на огород поеду, а вы на мотоцикле – разгрузить помочь.

Так и договорились.

Всё, однако, оказалось не так просто, как я и подозревал.

Предлагаемый стройматериал существовал в виде груды хлама, главным образом, каких-то грязных тяжёлых щитов, сколоченных из искоемых досок сомнительного качества (по причине древности). Отец предполагал грузить на машину (которую ещё надо было найти) прямо эти щиты, а разбирать их уже на огороде.

– Ты, что? Нам же их не поднять, даже из кучи не вытащить, тут разбивать надо.

Дед вынужден был согласиться. Я предусмотрительно прихватил с собой из гаража топор, дед сходил домой за своим инструментом и работа закипела.

Пыль стояла столбом. Её добавляли ещё работяги, трудившиеся внутри дома и выбрасывавшие оттуда свежие порции всякой дряни в нашу грудку. И всё это на солнцепеке при жаре в 33° в тени! Отодранные доски мы складывали рядом с мотоциклом и к обеду их было уже около кубометра, т.е. близко к тому, что надо. Мы, однако, решили сделать перерыв на обед, а потом ещё поотдирать, сколько сможем, тем более, что машину легче к концу рабочего дня найти, чем сейчас, в середине. Пошли к деду, помылись, пообедали.

Вернулись, а там начальник объявился.

– Кто такие? – у работяг про нас спрашивает. Те плечами пожимают.

– Я с ребятами вчера договорился, – дед отвечает.

– С какими ребятами? Причём здесь ребята?

– Вы же на свалку всё равно это всё вывезете, – дед начал горячиться. – Пропадёт ведь! Ни себе, ни людям!

– Не ваша забота. О своём заботьтесь.

Я хотел вмешаться и перевести разговор в переговорное русло: сколько ему нужно заплатить, но дед психанул:

– Подавись своим гнильём! – забрал инструменты и ушёл. Мы с Митей тоже отправились восвояси. Потом оказалось, что мой топор дед не взял, так он и пропал ни за что. Хороший был топор, из Ладущкина ещё.

Конечно, доски можно было бы вывезти, тем же вечером, никто их караулить не собирався. Но это было бы уже воровство, что ни говори.

Дед с расстройства решил вообще отказаться от затеи. Я же съездил на разведку на склад лесопиломатериалов, где раньше горбыль по дешёвке продавали. Горбыля там не было, но опять же щиты всякие сколоченные можно было поразбирать на вывоз по цене 400 рублей за кубометр, что я и предложил деду. Тем более, что там доски были хоть и не ахти, но все же получше, чем из развалин.

Дед сначала возражал: за такое, мол, барахло ещё и деньги платить, но я его всё же убедил, что по нынешним временам это не деньги, а за приличные доски с него в десять раз больше возьмут.

И вот снова мы с Митей и дедом почти целый день разбивали щиты и распиливали отдельные длинные доски, правда, уже не в столь жутких условиях, как в предыдущий раз – без пыли и жары. К закрытию склада успели больше кубометра досок наковырять, рассчитаться за них и вывести на мотоцикле за три ходки ко мне в гараж.

А потом бегом, не жвавши целый день, на футбол: «Балтика» – «Смена-Сатурн» (Санкт-Петербург), 1/32 Кубка России, причём «Балтика» и «Смена» лидировали в своей зоне, а тут ещё и на Кубок сошлись.

Перед началом игры Сергея Войтюка проводили, мопедом наградили, на «Мерседес» средств не оказалось. Молодец, матрос кривоногий, до 38 лет (1954 года рождения) проиграл, четвёрка, левый защитник, любимец публики, кого хочешь завалит, а сам не упадёт. «Лучше нету игроков, чем Войтюк и Бирюков!» – скандировали болельщики.

Но второй ветеран (тоже мастер спорта, получил за долгожительство), 1955 года, Виктор Бирюков, тройка, последний защитник, капитан «Балтики», остававшийся в строю, сплеховал в этот раз – не забил пенальти и «Балтика» продула 0:1.

Правда, нам довелось побывать и на матче первенства со «Сменой», в котором «Балтика» взяла убедительный реванш – 4:1. Голы забили: Никифоров и Копылов – 3. И вообще «Балтика», ведомая очередным новым старшим тренером – Корнеевым в этом сезоне радовала куда больше, чем огорчала.

Во всех домашних играх первенства, на которых мы побывали, она одержала победы (включая такие, как 6:1 над «Кировцем») и в конце концов обошла и «Смену – Сатурн» и про-

чих конкурентов, завоевав во второй раз (после 1984 года) первое место в зоне и выйдя, чего никто не ожидал, в первую лигу, из которой чуть не вылетел наш родной «Зенит».

Вот и дожили до времен, когда «Балтика» с «Зенитом» в одной лиге будут играть. Когда-то в шутку такое предполагали, и вот на тебе!

Калининградцы отличились ещё и на юношеском первенстве России, заняв там первое место. Причём команду – «Юность-Вест» – подготовил Юрий Михайлович Белецкий, то самый тренер, к которому когда-то на «Красную Звезду» я отвёл семилетнего Митю играть в команде, где главным бомбардиром был Митин одноклассник Женя Богданов, сломавший ногу на моём велосипеде. Мы с Митей были на церемонии награждения «Юности» в перерыве какого-то матча «Балтики».

Но вернёмся к нашим доскам.

Запасшись досками на обшивку, мы начали сооружать каркас. Врыли четыре столба по углам квадрата 2х2 метра и стали соединять их поперечинами. Митя поначалу был больше на подхвате – поддержать чего-нибудь, но помаленьку приобщался и к работе с инструментом – топором, пилой, молотком и долотом, полезнейшее было времяпрепровождение.

Вот только с дедом я часто ругался по причине его упрямства, когда он слушать даже не желал мои предложения, если они не совпадали с тем, что у него в голове сложилось.

Доходило до анекдотов.

Он взял уровень, стал по уровню поперечину устанавливать. Я ему говорю:

– Брось, давай, я отойду, на глаз скажу, как ровно будет.

– Нет, я по уровню.

– Ну, давай.

Выставил. Врезали, прибили. Отошли, смотрим – криво. Поперечина-то не прямая; в том месте, где уровень дед приложил, она горизонтально шла, а в целом – криво, и заметно. Дед расстроился.

– Давай переделаем.

– Зачем? Все равно досками обшивать. И прибито капитально.

А наутро, на следующий день, только приступили к работе, дед выхватывает у меня топор и начинает эту поперечину отбивать. Она ему изнутри глаза, видите ли, будет мозолить. Я попытался его остановить – куда там! Отмахнулся, топором меня по руке зацепил, руку порезал. Я не выдержал:

– Ты чего, с ума сошел? Делай сам тогда, как знаешь.

Дед отодрал поперечину, врезал её по-новой, прибил, после чего пообещал больше не вмешиваться, и всю обшивку мы с Митей делали вдвоём, вывозя доски на мотоцикле частями из гаража на огород (однажды под ливнем). Досок хватило впритык, но местами со щелями.

Я посоветовал деду ящики в магазинах прикупать, обнаружив подходящие, например, в «Знании», чтобы все прорехи изнутри заколотить. Эту идею он потом реализовал, обшив сарай полностью и снаружи и изнутри поверх основных досок ящичными дощечками, тщательно им обструганными.

Сарай был, конечно, главным нашим с Митей достижением этого лета.

На эту стройку мы регулярно таскали приёмник Иринкин «Меридиан» (свадебный наш подарок им с Димой) и слушали Би-би-си на английском. У меня понимание было на уровне не выше 5 процентов, я развлекался, главным образом, узнаванием отдельных слов, вязать же из них фразы удавалось крайне редко и небольшими кусочками, но я не огорчился и включал Би-би-си где только мог, раздражая Сашулю – какой, мол, смысл в этом?

Доказать, что смысл есть, я не мог, но сам в это верил и упорствовал, создавая повсюду шумовой би-би-сийный фон. Кроме того, я читал Бонк и ещё один учебник английского.

А Мите Нина Коренькова подарила на день рождения стопку «National Geographic» – великолепный подарок, так что читать на английском было что.

На дне рождения Митином отец Ванин, Виктор Иванович, когда подвыпили уже изрядно, пенку выдал:

– Вы обратили внимание, что из ГКЧП в Матросской Тишине все -овы да -евы сидят: Язов, Крючков, Павлов, Тизяков, Стародубцев, Янаев, а в правительстве всё Гайдары да Бурбулисы, Шахраи да Чубайсы...

Русских, короче, опять бьют.

Я не выдержал, брякнул:

– Это Вы мне говорите? А у меня фамилия тоже не русская – Намгаладзе.

– Ну, я Вас не имею в виду!

– Спасибо.

Иван, правда, не дал дискуссии разгореться, утомил папаню.

С Опекуновыми довелось пообщаться. Они приехали в отпуск с детьми и младший повредил себе яичко. Его положили в областную детскую больницу. Володя узнал, что наша Ирина там работает и попросил её содействия, чтобы их к сыну пропустили, а также разузнать поточнее, что с ним и как. Ирина их просьбу выполнила. К счастью, ничего страшного не произошло, хотя пришлось пацана прооперировать.

Опекуновы были у нас в гостях, Володя в своей манере преувеличивать рассказал о нынешней минской жизни, о своих собственных попытках преуспеть в издательском деле, не шибко, как я понял, результативных, но тонус его не понизивших.

Митя наш накануне отъезда пил водку на пляже в Светлогорске с приятелями, одноклассниками бывшими, в чём честно признался. Это было **12 августа**, а **13-го** мы уехали поездом в Питер, где пробыли четыре дня.

Жили в Сестрорецке, ездили в Петергоф, ходили в парк Александрия, где раньше не бывали, в дворец-музей «Котедж», а потом в гости в Вовке Ярцеву, где подивились обилию разнообразных словарей, на многие из которых Митя смотрел с завистью. Вовка-то полиглотом оказался.

Как и вся нормальная питерская интеллигенция, они с Тамарой полунисиенствовали, кормились с огорода, которому Вовка уделял много времени, но они не унывали. Антон был сдержан и слегка дичился, но привезённую нами литровую бутылку «Колы» оценил по достоинству.

Посетили в Питере музей-квартиру Пушкина на Мойке – впервые, между прочим. По магазинам с Митей болтались от метро Петроградская по Большому проспекту Петроградской стороны до Тучкова моста, а потом по Васильевскому острову, но ничего интересного не нашли. Разве что спирт «Ройял» за 360, хотя видели потом и по 350 за литр.

18 августа отправились поездом домой, то бишь в Мурманск.

569. Августовские походы за грибами. Миша в школу пошёл

Мурманск встретил нас холодиной: $+6^{\circ}$. И всю вторую половину августа температура была $+5^{\circ}+14^{\circ}$.

Митя и Сашуля над Мурманском, 23 августа 1992 г.

Меня, конечно, в первую очередь интересовало – есть ли грибы. Оказалось – есть. Я прямо в городе волнушек набрал на газоне, на углу Либкнехта и Челюскинцев. Я для начала

тогда сбегал за нашу гору после обеда и набрал треть ведра сыроежек, волнушек, горкушек, 10 подберёзовиков, 4 моховика, 3 подосиновика – при полной истоптанности окрестностей.

21 августа ездили с Сашулей и Митей с народом на 64-й километр Печенгского шоссе. Набрали корзину, ведро и треть рюкзака, в основном подосиновиков, крупных почти не было, а Сашуля ещё и полведра черники насобираала.

23-го ходили с Сашулей и Митей за Ленинградское шоссе (с «Любителем») с 8.20 (вышли из дома) до 16.20 (вернулись домой). Поднялись на гору, с которой видно Сафоново, Росляково и аэродром. Нашли 22 подосиновика, 33 моховика, 85 подберёзовиков, сыроежек и прочее. Грибы уже на убыль пошли, брусника попадалась, но мелкая, на вершинах сопок.

25-го августа Митя улетел в Москву. Каникулы кончились, предстоял колхоз.

28-го ездили с Сашулей с народом на 71-й км Печенгского шоссе, ходили с Градой. Набрали корзину и рюкзак, треть ведра черники (Сашуля). В низинах грибы и ягоды прихвачены морозом. Грибной сезон на излёте.

30 августа я бегал один за Ленинградское шоссе. На горке за ручьём потерял нож. Спихватился почти сразу, вернулся к тому месту, где только что резал грибы, стал искать – нет нигде. Знаю, что здесь где-то, а не могу найти. Тщательно всю горку осматриваю, и стали мне молоденькие моховики попадаться, которых я поначалу не замечал. Штук сорок нашёл, всё время возвращаясь к месту, где нож потерял. В конце концов и нож я нашёл. Лежит на виду. Словно прятался до того – ты, мол, лучше здесь, как следует, грибов поищи. С тем и лето кончилось.

Моё письмо Мите от 6.09.1992 г.

Здравствуй, дорогой сынуля!

Ну, как колхоз? «Накормил страну»? Напиши, как жили, работали, оправдали ли себя сапоги, брал ли с собой полукеды и все прочие детали бытия. Запаршивел, небось? А как в общежитии сейчас с горячей водой? Как питаешься? Чем кормят и почём? Когда стипендию дадут? Интересно было бы получить от тебя расписание занятий на неделю, чтобы представлять, когда у тебя что, когда ты свободен, когда занят. Что читаешь на английском и читаешь ли что-нибудь ещё на русском?

Мы тут, по-видимому, грибной сезон уже закрыли вчера с мамой, пора на бруснику переключаться. **28-го августа** ездили с народом на 65-й км Печенгского шоссе, туда, где мы были с тобой в прошлом году перед путчем. Набрали полную корзину и рюкзак, в основном, подосиновиков, а мама – ещё полведра черники, причём далеко не уходили и уже к пол-первому отнесли грибы в машину, а потом крутились недалеко от неё, в основном, занимаясь скалолазанием. В низинах грибы и ягоды уже были прихвачены заморозками.

30-го августа я один бегал за Ленинградское шоссе в ту же степь, куда мы с тобой и с мамой ходили перед твоим отъездом. Я собирался пройти ещё дальше, правее аэродрома. Но не вышло.

Дело в том, что когда я перебрался через ручей и проходил по бугорку с соснами, где нам попадались в прошлый раз моховики, я снова наткнулся на них, стал резать и потерял нож (твой складной, которым, кстати, я в предыдущий раз лихо порезался из-за его раскладываемости во все стороны, так мне и не удалось его как следует починить).

Какой-никакой нож, а жалко, да и неудобно без него в лесу-то. Спихватился я быстро, недалеко уйдя от того места, где скорее всего оставил. Вернулся, стал искать, и тут мне стали попадаться молоденькие моховики, которых я поначалу не замечал. Снова и снова прохожу по одним и тем же местам и снова нахожу моховики. А ножа нет. Плюнул я на него и решил просто заняться моховиками, расширив район поисков, но не уходя далеко от ручья. Ну и набрал их очень симпатичных, крепеньких ведро. За час примерно.

А потом и нож нашёл. Лежит раскрытый на виду. Не один раз мимо него прошёл, наверное.

А вчера, т.е. **5-го сентября**, мы с мамой опять ходили туда и набрали моховиков примерно два ведра. Я в рюкзак вставил коробку картонную емкостью 22 литра и мы её почти полностью наполнили часа за полтора. Можно было и ещё набрать, да мама замёрзла. А на том плато, откуда аэродром видно, народ бруснику собирает.

1-го сентября Миша пошёл в 25-ю школу. Очень доволен, что со своим лучшим другом из детского сада. Он на линейке стихи читал, ему всё понравилось – это Ваня по телефону рассказывал. Ещё Ваня сообщил, что приезжали две «Торпеды» какие-то, побили «Прогресс» на его поле, «Балтика» с ними сыграла 4:0 и 2:0, два гола Копылов забил и по одному всякие разные (Костин, Куцера и др.). Опять появился Кабаченко, правым полузащитником играет. Ваня доволен игрой молодёжи. Со вторым местом разрыв сейчас 5 очков.

Люба звонила из Протвино, предлагала бизнесом заняться, вагоны из Тольятти нужно было срочно закупать – с сахаром и запчастями для «Жигулей». По дешёвке, якобы. Потом, мол, продашь, несколько сот тысяч в карман положишь. Отказался. Со своими бизнесменами забот хватает.

Я себе кабинет рабочий оборудовал на 5-м этаже, подальше от посетителей. Там компьютер поставлю. Вид из окна шикарный.

Пивоваров из Штатов ещё не вернулся, так что в институте пока спокойно. Мама по тебе очень скучает. Целуем и ждём твоих писем. Твой папа.

1 сентября Миша в Калининграде пошел в 1-й класс 25-й школы, что у нас во дворе рядом с «Баррикадами», а Митя поехал в колхоз, где, судя по его письмам, не шибко надрывался и в целом был доволен. А мы с Сашулей ещё дважды ходили за Ленинградку. **5-го сентября** – к ручью, набрали моховиков короб в рюкзаке, но молодых почти не было, брали средние, крупные все были червивые. И растут моховики не повсюду, а только в определённых местах, где сосны есть. Ими заканчивается грибной сезон.

А последний в этом году выход – **12 сентября**. Ходили с Сашулей и Градой справа от нашей лыжной трассы. Был чудеснейший солнечный день, температура по нашему градуснику за окном была +17,5°, когда мы вернулись.

Сашуля с Градой гребли воронику, которой было, ну, очень много, и крупная. Вполне, оказывается, съедобная ягода, и сладкая, когда спелая. Сок из неё чуть вязущий, но водку запивать очень хорошо. Сашуля 1,5 ведра набрала, а Града все три, наверное. Немного ещё черники с брусничкой набрали, но брусники очень мало, вообще не уродилась в этом году. А я «Любителем» пленку дощёлкал. Грибов же на всех: 2 подберёзовика, 1 подосиновик и 5 сыроежек.

Сестра позвонила из Протвино мне на работу:

– Сашка, у тебя деньги есть наличные, в институте можешь взять?

– Зачем?

– Закупить вагон сахара и вагон запчастей к «Жигулям» из Тольятти по дешёвке! У меня знакомая есть, она предлагает, страшно выгодно!

– И дальше что?

– Продашь у себя в Мурманске, знаешь сколько выручишь?

– А зачем?

– Как зачем? Тебе деньги что ли не нужны?

– Ну, если бы я хотел заняться бизнесом, то давно бы уже им и занялся. А ты лучше Жорке предложи. Или сама займись.

– У нас начального капитала нет. Тысяч сто надо хотя бы.

– У меня тоже нет, да и не тянет меня в эти дела абсолютно. Я же не Павел.

– Я так и думала. Но всё же решила позвонить на всякий случай.

– Позвонить всегда неплохо. А как там Милочка в Севастополе, что-нибудь от неё слышно?

– У них Ромка вляпался, на сто тысяч его нагрели, «куклу» подсунили. Но они вроде бы это уже компенсировали.

– Вот ты им вагоны и предлагай.

Отличный анекдот Юрий Никулин по телевизору рассказал.

Мужик один решил на последние свои деньги что-нибудь поесть на базаре купить. Хватило ему только на десять орехов. Расколол первый, а он – пустой. Второй – тоже пустой. И третий. И четвёртый. И остальные. До последнего дошёл, расколол, а оттуда червяк в кепке вылез и сочувственно так спрашивает:

– Абидно, да?

Под предлогом того, что кабинет у меня течёт, пришлось даже электричество отключить, я оборудовал себе новое помещение, на пятом этаже лабораторного корпуса с панорамой Мурманска из окна. Вдали от всех, на этаже, где разместились наши постояльцы: ИОФАН, ИЭП, «Мурфиш», «Байк Марин» (эти две конторы согласились валютой платить по 110 \$ в месяц за комнату) и Ейбоговский «Техком» (!).

Ейбог оставил свой пост замдиректора по общим вопросам, который занял Николай Васильевич Калитёнков, бывший председателем профкома в период прихода Пивоварова к власти, радиофизик, сотрудник Горохова, от него отмежевавшийся самым последним.

С «Техкомом» ПГИ заключил договор, по которому передал ему во временное пользование 4 комнаты и всю свою автотехнику в обмен на обеспечение транспортными услугами в пределах оговоренного километража. Ейбог перебрался из административного корпуса на 5-й этаж и отделал тут себе шикарные апартаменты.

Я устроился неподалеку не сравнить скромнее, но достаточно удобно. Поставить сюда компьютер и слинять с административной должности – чего ещё желать? Короче, подготовил себе место для отхода с линии фронта.

Моё письмо Мите от 26.09.1992 г.

Здравствуй, дорогой сынуля!

Вчера, наконец, получили от тебя долгожданное письмо с описанием вашей колхозной жизни. Очень порадовались и тому, что письмо такое большое, подробное, почти без грамматических ошибок, аккуратно написанное, и стиль очень неплох, а, главное, тому, что в целом колхозная жизнь тебе даже понравилась. Рад и твоим футбольным успехам. Очень хотелось бы, чтобы футбол у тебя преобладал над преферансом. Совратил тебя-таки Шульцас? Почём играете? Сколько уже проиграл? В преферанс играть, конечно, надо уметь, но увлекаться им опасно – засасывает, по своему опыту знаю.

Письмо твое датировано 17-м (тобою), на московском штемпеле стоит 19-е, а на мурманском – 25-е. Такие нынче почтовые скорости. А весточки от тебя хочется получать почаще. Думаю, нам надо всё-таки договориться о сеансах телефонной связи.

Давай так. Сообщи мне номер телефона у вас на вахте и назначь день, когда тебе удобней там ждать моего звонка. Я-то могу звонить в любой день, даже в выходные (но тогда, разумеется, надо ехать в институт или идти на почту), а наиболее удобный для меня час – конец рабочего дня, скажем, 17.45.

Теперь о нашей жизни.

Коллективных поездок в лес в сентябре не было – в городе нет бензина. Вернее, его просто перестали продавать, ожидая повышения цен. Но и брусники в лесах очень мало – неурожай. Ведро стоит 1000 рублей.

12-го сентября (в субботу) мы с мамой и Градой Петровой ходили за Ленинградку по гребням вдоль нашей лыжной трассы, над озерами, по которым мы на лыжах ходим. Дошли до пересечения с линией электропередачи. День был солнечный, красота, конечно, пейзажи сверху шикарные. Я дощёлкал пленку в «Любителе», собираюсь проявить.

Мы искали бруснику, но нашли очень мало. Зато по примеру Грады нагребли грабилкой вороники (чёрная ягода), крупной, которой там было местами всё усеяно. Кстати, спелая она и на вкус вполне съедобная, сладенькая. Ведро её стоит 500 руб. Мама из неё соку наделала. А набрали мы почти полный картонный короб, объёмом 22 литра, который я теперь таскаю в рюкзаке – очень удобно. И ещё новшество: ходим до леса в кроссовках (мама – в кедах), а сапоги несём в рюкзаке.

18-го и 19-го принимали в ПГИ толпу финнов (21 человек) из Оулу юнивёрсити. Визит дружбы сугубо ради человеческих контактов в виде обмена экскурсиями. Я толкал спич с трибуны, практически не заглядывая в бумажку, которую заранее приготовил.

Суть моего выступления свелась к тому, что я тут намерен впервые за бугор попал, в западную кантри и как раз в Финляндию, и был, конечно, *impressed very much*. Мы, к сожалению, не сможем на них такое же впечатление произвести, времена такие лихие, уж пусть не обессудят. И рассказал маленько про ПГИ. Как я понял, меня поняли.

И я, как ни странно, понял все до одного вопроса, которые мне задавали и сумел на них ответить. Потом финнов возили по городу, а вечером была пьянка в ПГИ, и мама тоже общалась с финнами по-английски. Нас обещали пригласить в Оулу, так что мама теперь тоже английский учит – по польским пластинкам для начинающих.

Я нащупал место в квартире, где оптимальный прием ВВС – в левом ближнем к стене углу письменного стола, обязательно на подставке настольной лампы, включённой в сеть. Оказывается, очень важно заземление.

Ещё мы с мамой были на выставке группы московских художников «Nuovochento». Кое-что ничего.

Ирину укусила оса под коленку, нога так распухла, чуть в больницу не положили. Михаил браво ходит в школу.

Целуем тебя и ждём писем. Папа.

В середине сентября ПГИ принимал большую делегацию (21 человек) финнов из университета Оулу с разных факультетов, в порядке, так сказать, культурного обмена, инициированного Пивоваровым и Кангасом. Возили их по городу, в Лопарскую, в Апатиты, я им про ПГИ в нашем актовом зале рассказывал, извинившись за свой английский, и за бардак в своём Отечестве.

Напоследок, разумеется, напоили их хорошо в нашей столовой, а Града Петрова им на обратную дорогу торт свой самодельный притащила. Всё это не без корысти, конечно, некоторой, в расчёте на встречное приглашение, которое и было обещано. У Сашули даже желание появилось английским заняться.

30-го сентября ночью шёл мокрый снег. А в октябре, считай, уже зима началась, с 9-го октября морозы установились до -11° , чаще всего -5° - -7° , правда, бесснежные. Так что осень месяц длилась, если август ещё летом считать.

570. Сентябрь – октябрь. Очередной виток противостояния Мурманск – Апатиты. Главное не что, а как! Правоту горлом не докажешь

Кончилась осень, Учёные Советы начались, косяком пошли. Пивоваров из Штатов явился, созрел Устав института новый принимать. Создал комиссию по выработке Устава во главе с Власковым и поручил ей подготовить проект для вынесения на Учёный Совет.

Большинство членов комиссии, включая Власкова, склонялись не мудрствовать лукаво и принять за основу новый примерный Устав института, рекомендованный Академией, внося в него уточняющие детали, характерные именно для ПГИ.

Против активно выступил Лазутин со своим проектом Устава, в котором предлагалось разделение ПГИ на два отделения: Мурманское и Апатитское с правом юридического лица у каждого, что фактически означало разделение на два института. Эта непотопляемая, в очередной раз всплывшая идея нашла, конечно, поддержку в Апатитах, хотя и там не у всех, а в Мурманске пожимали плечами:

– Им надо, пусть отделяются, выходят из ПГИ.

Короче, очередной виток противостояния Мурманск – Апатиты начался стараниями Леонид Леонидовича.

Первый Учёный Совет по Уставу состоялся в Мурманске **29 сентября**. Как сообщил мне Слава Ляцкий, апатитские члены Учёного Совета, обсуждая ситуацию в поезде по дороге в Мурманск, пришли к мнению, что сегодня принимать Устав нельзя, дело, мол, серьёзное, обсуждение, конечно, начать нужно, но нет Лазутина, и лучше бы принимать Устав в Апатитах, на своём, так сказать, поле.

Заседание Совета в Мурманске вёл Пивоваров и при желании он мог бы поставить на голосование проект, предложенный большинством членов комиссии по Уставу, и он наверняка бы прошёл. Но у Пивоварова был в этот раз приступ примирительного настроения, и он не стал возражать против продолжения внесения поправок и их обсуждения на следующем Совете в Апатитах, намеченного на **8 октября**.

А перед самым Советом Пивоваров заболел и в Апатиты не поехал. Пришлось мне там председательствовать. Я очень аккуратно провёл этот Совет. Проголосовал вначале процедуру обсуждения и тщательно ее соблюдал.

В результате удалось обсудить и проголосовать только второстепенные поправки, предложенные Мингалёвым и Терещенко, а на главные – лазутинские времени не хватило. Я сразу предупредил, что задерживаться сегодня мы не можем, поскольку нас будут ждать в автобусе в шесть вечера финны – Тауно Турунен и Ирке Маннинен, которых мы должны отвести в Мурманск.

Лазутин был страшно злой и вёл себя крайне неводержанно, поняв, что дело сегодня не выгорело.

– Намгаладзе над нами издевается, не видите, что ли! Он сюда приехал только время протянуть, чтобы опять в Мурманск всё перенести. Я отказываюсь участвовать в этой комедии!

Я хладнокровно заметил, что он в числе прочих голосовал за процедуру обсуждения, которую я строго соблюдал. Где он раньше был? Мог потребовать сразу начать обсуждение со своих поправок. А теперь я не могу ничего поделать – финны ждут, я предупреждал.

Финны, которые приезжали к Лене Титовой и Яхнину по совместным научным делам, были снабжены на дорогу горючим в достаточном количестве, и у нас с собой было, так что мы не скучали по дороге из Апатит в Мурманск.

Кроме финнов и шофёра в автобусе – дряхлом ПАЗике – возвращались я, Власков и Боголюбов и выпили мы то ли четыре, то ли пять бутылок водки, расположив закуску на сиденье, положенном поперёк прохода, и стараясь не расплескать водку из пластмассовых стаканчиков.

В автобусе Маннинен щёлкал впотымах автоматической камерой со вспышкой, а я уверял его, что настоящий фотомастер пользуется простой техникой, все эти ухищрения технические качества снимкам не прибавляют.

Наутро финны зашли ко мне в кабинет попрощаться со следами вчерашнего путешествия на лицах и были страшно довольны кофе с коньяком, который я им предложил в качестве средства от похмелья. Средство помогло, финны ожили, и мы даже что-то пообсуждали на предмет будущего сотрудничества.

На прощание Маннинен передал мне для Пивоварова цветную фотографию, которую он сделал: Пивоваров с женой и Куликовым где-то за бугром на борту чего-то на фоне скалистого берега. Я вспомнил свои вчерашние высказывания в автобусе о фотомастерстве и мне стало стыдно – я ведь тоже фотографию подарил Турунелу, где он с Копытенко, Пеллиненем и Ауламо в Хельсинки снят на стоянке такси, качеством куда как похуже, не говоря уже о том, что чёрно-белую.

Финны уехали, а мне ещё предстояло в этот день создавать Кольскую Экологическую Ассоциацию, т.е. реализовать очередную затею Пивоварова, с которой мне ужасно не хотелось связываться, но Пивоваров, похоже, заболел серьёзно, у него чего-то воспалилось, температура высокая держалась, и деваться мне было некуда.

Назначенному сборищу представителей (в основном – руководителей) организаций Мурманской области, занимающихся (или считающих себя занимающимися) вопросами экологии Кольского полуострова, Пивоваров придавал настолько большое значение, что потребовал, чтобы его доставили из больницы произнести вступительную речь.

Я как раз угощал чаем и кофе апатитскую делегацию КНЦ штук из пяти директоров институтов в задней комнате пивоваровского кабинета, как привезли самого хозяина, в костюме и тапочках, пошатывающегося от слабости. Я, с похмела, наверное, ляпнул:

– А вот и сам Владимир Григорьевич, пока ещё живой!

Никто вроде ничего не заметил, а «пока ещё живой» Пивоваров нашёл в себе силы разулыбаться гостям.

На открытии совещания Пивоваров говорил сугубо общие фразы о необходимости объединять усилия в борьбе против экологических опасностей, нависших над Кольским полуостровом и всей Скандинавией, и больше всего потратил времени на рассказ о том, как возглавляемая им Крымская Экологическая Ассоциация боролась за закрытие АЭС в Крыму и победила.

Но слушателей особенно агитировать было не надо. Все прекрасно понимали суть происходящего: ассоциация создается под эгидой областного комитета по экологии, который, предположительно, будет иметь большие деньги (хотя бы со штрафов таких мощных загрязнителей среды как «Печенганикель» и Мончегорский комбинат) и будет их раздавать на экологические мероприятия.

Делить же деньги наверняка ассоциация будет, в этом её главный смысл, как тут мимо пройти, никак нельзя за бортом оказаться. Вот только причём здесь ПГИ?

А это уже Пивоваров – молодец, перехватил инициативу, не зря свою жену в облкомэкологии устроил (Наталья Борисовна работала там зав. каким-то отделом, кажется, информатизации), а с Вишняковым (председателем комитета) он теперь лучший друг, самого Калабина потеснил (Калабин – директор Института промышленной экологии Севера, зам. Калининкова – председателя Президиума КНЦ, претендент на роль главного эколога, пивоваровский антагонист не только в экологии, но и в борьбе за влияние на Калининкова).

Пивоваров после своего выступления отправился назад в больницу, а я вёл совещание дальше, выступив ещё и со своим докладом о возможности создания единого информационно-вычислительного экологического центра на базе ПГИ.

Возможности эти проистекали из наличия в ПГИ помещений и вычислительных мощностей – поступившей, наконец, из Минска IBM 4381, приобретённой совместно с Мурманским Центром Информатики за их рубли и «Створовские» доллары, а также из обещаний, данных «Экосом», нахально, впрочем, не выполнявшихся.

Комнаты «Экос» занял, а обещанная техника вот-вот, мол, поступит. Имелся, конечно, подписанный договор, условия которого не выполнялись «Экосом», и пора было применять санкции, но я не спешил, «входил в положение».

Имеющаяся IBM 4381 вкупе с ожидаемым от «ЭКОСа» «Компак Систем Про», действительно, давали крупные козыри для претензий на ИВЭЦ перед конкурентами – тем же калабинским институтом, Институтом Информатики (который возглавлял Кузьмин, бывший пэгэвец, у которого я на «Наири» делал первые шаги в работе с ЭВМ) и Мурманским Гидрометом.

Зачем ПГИ этот ИВЭЦ нужен? Для престижу, и чтобы деньги от Вишнякова сосать – так отвечал на этот вопрос Пивоваров мне, а публично ПГИ занимал такую позицию: мы, конечно, не рвёмся этим заниматься, своих задач хватает, но поскольку понимаем важность экологических задач и имеем благоприятные условия для этого, гораздо лучшие чем у других, то так уж и быть, согласны взять на себя эту обузу, при условии соответствующего финансирования, разумеется, на обслуживание техники и базы данных.

Совещанию, впрочем, не удалось с ходу стать Учредительным: надо, мол, пока ограничиться Решением о намерениях, создать Оргкомитет Учредительного Совещания, рабочие группы организовать, что и было сделано, т.е. процесс пошёл, а я явился домой вконец обесиленный, двумя подряд председательствованиями с перерывом на водкопитие в автобусе.

То ли дело выпить после всей этой бодяги дома с символическим собутыльником Сашулей, которой я наливал рюмочку брусничной настойки, ею изготовленной, сам довольствуясь разведенным «Ройялом». В этот раз я делился с ней своими проблемами с Васильковым Василием Степановичем, нашим начальником планового отдела, неплохим, в общем-то, мужиком, но заполошным и довольно бестолковым.

С бухгалтерией, слава Богу, дело наладилось. По рекомендации Лены Пурышевой, нашего кадровика, взяли на должность главбуха её знакомую из военторга, Дубелир Татьяну Владимировну, маленькую женщину недалеко за тридцать, без высшего образования, но заочницу, достаточно уверенную и строгую с подчинёнными. Та привела себе зама, с которой работала раньше, и на том процесс формирования новой бухгалтерии завершился.

Теперь я хотел объединить её с плановым отделом в единую службу под началом Дубелир, исходя из накопленного опыта разборки конфликтов между старой бухгалтерией и плановым отделом с жалобами Ивановой и Василькова друг на друга.

Васильков это считал понижением своего статуса, обижался, а когда я высказал недовольство его работой на Учёном Совете, заявил о своём уходе. Я отнюдь не возражал. Более того, жалел, что раньше не согласился, когда он также демонстративно подал мне заявление об уходе.

Толку от него не было никакого, Саше Боголюбову приходилось самому его работу выполнять, а амбиций, конечно, вагон. Но заявив об уходе устно, Васильков письменного заявления не подавал, тянул чего-то, работу, возможно, искал, имитируя при этом какую-то деятельность в институте. Короче, и не работал, и не уходил. А уволить непросто, да и не хотелось круто с ним поступать.

Тут (дома за рюмкой) меня понесло философствовать на тему: «Главное – не **что**, а **как!**», то, что я вдруг осознал в последнее время как первостепенный лозунг для себя.

«Что» идёт почти что на автомате, тут проблем практически нет, принципиальные вещи вроде бы ясны и поиски ответов на вопросы типа «Что делать?» не требуют особого напряжения.

А вот «как» выходит на первое место, особенно во взаимоотношениях с людьми. Тише едешь – дальше будешь. Принципиальность – это хорошо, но не нужно её давить через меру, и, особенно, горячась. Какое прекрасное было самочувствие после Совета в Апатитах, когда ни разу не возбудился при всех выпадах Лазутина, и как противно вспоминать профком перед отпуском, когда орал на несогласных, пусть и неправых, мягко говоря, Байдалова и Мельниченко.

Правоту горлом не докажешь, а у меня не залежится разгневаться, не Сашуле мне об этом рассказывать. Да ведь это легко себе внушать – контролируй себя, будь спокоен в любых ситуациях, не спеши реагировать, а попробуй воплотить! Юпитер, ты сердишься, значит ты не прав.

Или ты не Юпитер.

Моё письмо Мите от 16.10.92 г.

Здравствуй, дорогой сынуля!

Давно не было от тебя весточки и вот, наконец, пришло долгожданное письмо от 4 октября, которое ты написал перед футболом «Спартак» – ЦСКА (я смотрел второй тайм по телевизору, сочувствую тебе и ЦСКА, но надо отдать должное «Спартаку» – вдесятером не только отыграть, но и ...).

Письмо твоё я вынул днём из ящика в среду 14 октября (в этот день, кстати, моей маме исполнилось бы 70 лет). Я был не на работе из-за эпопеи застройки балкона; мне приходится самому в стройке участвовать, заменяя одного из двух рабочих, которых прислал Ейбог, по причине того, что этот один не может выйти из запоя. Другой – нормальный, и я ему помогаю тем, что страхую, чтобы он не свалился.

Так вот, получив твоё письмо, я узнал, что звонить тебе лучше по средам часов в 5. А была как раз среда, и я решил попробовать. Вот только был-то я не на работе и звонить пришлось с нашей почты. Соединили где-то около полшестого. На вахте ответили, что какой-то парень сидел здесь, но исчез.

Спросили из какой комнаты. Я назвал. Похоже, что пошли или послали тебя позвать, и всё заказанное время я слушал молчавшую трубку, но тебя так и не дождался. Наверное, ты поскакал на футбол Россия – Исландия. Забавно, что единственный гол забил киевский «россиянин» из «Бенфики». Хорош Кирьяков был.

В следующую среду я снова попытаюсь позвонить на вахту в 5 часов, а ты (на будущее) наберись терпения, возьми книжку и жди моего звонка до 6 часов. Мало ли что может быть. Рабочий день-то у нас кончается в 17.45.

Возвращаясь к теме балкона, похвастаюсь, что я собственноручно выполнил самую опасную часть операции покрытия крыши – приколачивал лизол (что-то вроде резиноподобного рубероида) на крайнем (северном) участке крыши, стоя на шаткой лесенке над пожарным люком. Мужик меня страховал руками, держа за талию и стоя под крышей. Сам же вылезать наружу отказался – голова кружится.

С этой стройкой на балконе я простудился (температура-то минус 7 на улице все эти дни по утрам, снег уже лежит) и теперь болею.

Пивоваров лежит в больнице по поводу простатита, и я его сейчас замещаю. Провожу тяжёлые Учёные Советы по принятию нового Устава института, борясь с неутихающей тягой апатитян к отделению и полному суверенитету, в то время как сверху (из Президиума РАН) идут бумаги, призывающие к сокращению не только штатов, но и учреждений.

Мама едет в Калининград **31 октября**, берёт отпуск за свой счёт на две недели, а я отправлюсь туда в командировку дней на пять в окрестностях **7 ноября**. Ты вроде бы тоже

хотел приехать, но мама считает, что не стоит выбиваться из учебного ритма тем более при твоём цейтноте. Впрочем, смотри сам.

Крепко тебя обнимаем и целуем, скучаем по тебе, твои папа и мама.

571. Пивоваров из больницы руководит. Я его идеи подношу Учёному Совету

Зима, можно сказать, уже началась, а мне не удалось найти умельцев застеклить балкон, что я давно собирался сделать, да всё откладывал, обходясь самодельной открывающейся крышей (рамой с полиэтиленом), которую соорудил два года назад, когда Милочка с Павлом к нам в гости приезжали.

Крыша эта защищала от снега, и балкон на зиму превращался в морозильник, пользоваться которым было, однако, не шибко удобно из-за низкого расположения крыши и её непрочности. Собственно, в крыше и была вся проблема, поскольку этаж девятый, последний, над нами ни балкона, ни козырька никакого, не к чему рамы крепить.

Это и отпугивало подрядчиков, которые охотно стеклили лоджии, с меньшим желанием балконы – возни больше, а балкон без крыши на последнем этаже – лишь за двойную цену, которая и так-то была неслабой – 10—12 тысяч (в Калининграде этим летом 5—6), а тут пролили 25, и то без энтузиазма.

В своё время мне Шаршавин обещал силами наших плотников балкон застроить, да я как-то сразу не ухватился за это обещание, а когда напомнил ему о нём, тот в кусты – плотники, мол, все разбежались, вы их сами тут посокращали.

– А как же Ваш «Спутник»? – спрашиваю.

– Я, – говорит, не могу их постоянно в «Спутнике» держать, нет объёмов работ.

Ему, конечно, было удобно, когда плотников ПГИ содержал, а в «Спутнике» они подрабатывали для себя и Шаршавина, на институтских материалах к тому же, которые Шаршавин, как и Ейбог, считал своими – кто, мол, их доставал?

Но плотники, оказалось, недалеко ушли – к Ейбогу в «Техком». Я этого, правда, не знал, когда к Ейбогу обратился просто за советом – где мне мужиков найти балкон застроить за умеренную плату – тысяч за десять? Ейбог с ходу ответил:

– У меня.

Я ему объяснил трудность – крыши нет. Ейбог обещал придумать что-нибудь. Я спросил насчёт цены. Ейбог ответил, что всё будет по себестоимости, недорого, по ценам на материалы, за которые он их приобрёл (якобы).

Я понимал, что он таким образом хочет мне оказать услугу, попахивающую взяткой, в расчёте на мою уступчивость в будущих взаимоотношениях ПГИ – «Техком». Но отказываться было бы глупо, тем более, что у него в Уставе «Техкома» записаны «услуги населению по договорённости», чем я не население?

Короче, договорились. И после некоторой волынки Ейбог прислал мне двух своих (бывших наших) плотников. Одного из них, Гену-алкоголика, пришлось, впрочем, в первый же день прогнать по причине невменяемого состояния, того и гляди с балкона свалится.

А второй, тёзка мой, Александр Андреевич Киричевский, огромный мужик, за метр девяносто, непьющий совсем (бросил!), не стал отказываться от моего предложения ему помочь вместо Гены и взял меня в подмастерья. Мы с ним вдвоём всё и сделали, невзирая на морозы, точнее не всё, конечно, а каркас и крышу.

В сумме дней за пять управились, но с перерывами, разумеется. Тёзка мой торопыгой оказался:

– Давай, давай, пошевеливайся, нечего тут вылизывать, так с тобой много не заработаешь! – и халтурщиком поэтому.

Со своей спешкой закосил стояки для рам (ушли от вертикали), мне потом самому пришлось в одиночку всё исправлять, пазы расширять, сдвигать стояки: заделывать ошибочные вырезы.

Но самое весёлое было, конечно, крышу крыть (лизолом поверх ДВП), особенно её последний, крайний участок. У тётки от высоты голова кружилась, поэтому заканчивал крышу я, находясь в таком положении: стоя на хлипкой лестнице над пожарным люком снаружи постройки (на высоте 9-го этажа!), а Киричевский изнутри страховал меня, придерживая руками за талию.

Заплатил я Ейбогу «по калькуляции» через его бухгалтерию, получив квитанции – за материалы, включая стёкла, и работу, и за всё менее тысячи рублей, считай, бесплатно. Спорить, разумеется, не стал.

В институте, конечно, знали, что Ейбог у Намгаладзе балкон стеклит, я и не собирался это скрывать, но цену, которой очень Галя Сазанова интересовалась, не выдал – коммерческая тайна, мол.

А с балконом мне ещё изнутри работы предстояло на всю зиму: обшивать, тепло-, влаго-изолировать, пол делать, полки, дверь делать к пожарной лестнице и т.д., и т.п., чем я и занимался довольно плодотворно, используя накопленный материал от упаковок, в которых мне мебель доставляли, да ещё прикупив в «Юном технике» обрезков ДВП и фанеры.

И один лист ДВП я сподобился большой купить: 1.5 на 3 метра. Мы его с Сашулей вдвоём тащили за рейки, которые я прибил к листу, по гололёду с таким парусом! Это было **5-го декабря**, в день рождения Саша Боголюбова, у которого мы были вечером в гостях вместе с Овчинниковыми и Власковым, накануне его 50-летия, которое он улетал отмечать в Ростов к своим родителям.

Ему Ольга подарок преподнесла к юбилею – ушла к другому. Я об этом узнал, пригласив Власкова как обычно с женой к себе на день рождения (у нас они подряд идут: мой, Боголюбовский, Власковский). Вот тут он меня и ошарашил.

Оказывается, у них давно уже (года четыре – как Власков говорит) разлад наметился, да дети сдерживали, Тимофей нынче в последний класс пошёл, а Иван – в первый. Но тут Ольга кого-то нашла себе, женщина она интересная, молодая, зарабатывает больше Власкова, а тот кроме работы и детей ничем не интересуется. Вот и приехали.

Осунулся Власков, дети с ним остались, Ольга прибегает их навестить, подкармливает иногда, на воскресенье Ивана забирает. В общем, ничего хорошего. Жалко Власкова.

А Митя в Москве на такие футболы шикарные ходил: ЦСКА – Барселона 1:1 (Кубок европейских чемпионов), Спартак – Ливерпуль 4:2 (Кубок обладателей Кубков), платил по 120 руб. за билет, под дождём и снегом на игре «Спартака», но всё равно доволен – какие команды!

И кто бы мог подумать, что в ответном матче ЦСКА выиграет у обладателя Кубка чемпионов на его поле 3:2, проигрывая 0:2! Долго будут Барселоне армейцы сниться.

А то, что «Спартак» обыграл «Ливерпуль» и в гостях, как сенсация уже не рассматривалась, «Спартак» фаворитом считался.

Пивоваров всё не выздоравливал и очередной (**15 октября**) Учёный Совет по Уставу я решил провести опять в Апатитах, хотя очередь была Мурманска. Соображений было два. Первое – экономическое, мурманских членов Совета в наличии было немного, и их можно было на УАЗике в Апатиты свозить, в то время как апатитянам пришлось бы ехать поездом большой толпой по свежим ценам на билеты, которые с непривычки выглядели непомерно высокими.

Но главное соображение было не это. Мне хотелось отместить все обвинения в том, что я специально в прошлый раз затягивал Совет, чтобы перенести обсуждение лазутинских предложений по Уставу в Мурманск, и доказать, что для меня проблемы «чужого поля» не существуют.

Этот мой фокус произвёл впечатление, но не более того. Очередное обсуждение по главному вопросу – о статусе Апатитского отделения – оказалось таким же бесплодным, как и предыдущие.

А тут подоспело очередное Постановление Президиума РАН, призвавшее к очередному сокращению бесперспективных направлений, а точнее, сетовавшее, что предыдущие призывы такого рода должного воплощения в институтах не получили.

ПГИ это, пожалуй, касалось, в наименьшей степени: мы провели реорганизацию с сокращением, перешли на потемное финансирование и нам было чем отчитаться по части реализации предыдущих Распоряжений вышестоящих инстанций.

Но Пивоваров счёл необходимым воспользоваться удобным случаем и прищучить, наконец, неугодного Лазутина.

– Всякие дебаты по Уставу отставить. Предстоит новое сокращение. Кто останется, тот и будет новый Устав принимать, – заявил он мне в больнице, куда я пришёл его навестить и получить ценные указания.

Надо сказать, что нашёл я его в больнице в физически очень плачевном состоянии. У него была аденома с сильнейшим воспалительным процессом, лежал с катетером, параллельно геморрой замучил, а он ещё и голодал – всё равно, мол, проблемы с выводом отходов, а голодание Пивоваровы с успехом пробовали. Короче, похудел и ослабел наш директор основательно.

Но, повторяю, только физически. В голове у него кипела куча руководящих намерений, которые он выписывал на бумажках, меняя варианты, в виде проектов приказов и распоряжений.

Основная новая идея была следующая: объявить приоритетными четыре научных направления – оптические, магнитные, ионосферные и экологические исследования (в соответствии с основными видами наблюдений в этот раз), а не приоритетные сократить, как велено.

Аэростатным и космическим лучам, т.е. лазутинскому направлению, в этом варианте места не находилось. Мне было поручено донести эту идею до Учёного Совета и заручиться его поддержкой как мерой, принимаемой Институтом в ответ на последнее Постановление Президиума РАН.

На очередном Совете (**22 октября**), теперь уже в Мурманске, я всё это доложил. Так, мол, и так. Обсуждение Устава велено отложить. Будет сокращение. Кто останется, тот и будет Устав принимать. В качестве меры по выполнению Постановления Президиума РАН и повторяющего его Постановления Президиума КНЦ директор предлагает количество приоритетных научных направлений сократить до четырёх, и я назвал каких.

Антилазутинский характер предложения Пивоварова был очевиден, а сам Лазутин в Мурманск не приехал, он, похоже, просто игнорировал Учёные Советы в Мурманске, все Пивоварову подпевают, не хрена, мол, туда и ездить.

В самом Совете у Лазутина сторонников-то совсем немного, не зря же его прокатили на утверждении замом директора по Апатитскому отделению, но и допустить такое откровенное попирательство остатков лазутинского направления Учёный Совет счёл для себя неприличным. Эдак сегодня ты, а завтра я.

К тому же – экологические исследования только начались в институте, это новое неразвитое направление, с чего бы это ему стать приоритетным?

Сошлись на том, что направлений можно оставить и четыре, из них три первых не вызывают возражений, а в качестве четвёртого предлагаются атмосферные исследования, куда можно и лазутинцев засунуть, и экологию. Но конкретное содержание направлений нужно будет определить позднее по результатам годовых отчётов по темам, как же иначе?

Пивоваров был недоволен таким решением, но сопротивляться не стал. А следующий Учёный Совет, последний в октябрьской серии (**29.10**) утвердил процедуру принятия годовых отчетов по темам.

572. 1 ноября телеграмма от Ивана: «Родили мальчика 3650/53». У деда Андрея на 75-лети. Все совместители и долгострои остались на своих местах. Обида Ляцкого на Мальцева

31 октября – открытие лыжного сезона. На пластике мучился по ближнему озеру около часа: снега мало (хотя весь октябрь стояли морозы), палки лёд царапают, нет толчка для конькового хода.

На следующий день катался там же на деревьях – получше. В этот день (**1 ноября**) в Калининграде Ирина второго сына родила. Иван прислал телеграмму: «родили мальчика 3650/53».

А через день мы с Сашулей и сами были в Калининграде, Сашуля взяла отпуск Ирине на первых порах помочь, а я приурочил командировку к юбилею деда – 75 лет. В этом году маме нашей (14 октября) исполнилось бы 70. Совсем немного, а сколько времени её уже нет. 14 лет.

Ирину встречали из роддома **6-го** (дед в этот день из госпиталя вышел, где с очередной профилактикой по сердцу лежал), а вечером Митя с Любой из Москвы приехали.

7-го были у деда с Сашулей, Митей, Любой, Иваном, Мишей и Серёжей Лебле.

В кирхе я согласовал с Кореньковым их отчёт по договору, который забрал с собой в Мурманск, чтобы вставить его в институтский отчёт по «Арктике». В Мурманск я вернулся **10-го**, а **12-го** – очередной Учёный Совет в Апатитах, инициированный Пивоваровым, который за время моего отсутствия не просто выздоровел, а прямо-таки весь кипел от переполнявшей его жажды деятельности.

– Энергия из меня так и прёт, – радостно доложил он мне при встрече.

Но пёрла она явно куда-то не туда. Удивила меня повестка дня Учёного Совета.

1. Выборы в Академию Инженерных Наук.

2. О совместительстве в коммерческих структурах, учреждённых институтом.

3. О закрытии институтских долгостроев (Приёмный пункт некогерентного рассеяния, Ионозонд «Базис», Авроральный радар).

– Откуда эти вопросы взялись? – спрашиваю Боголюбова.

– Инициатива директора. Больше ничего сказать не могу.

У Пивоварова я ничего спрашивать не стал. Разговоры с ним меня ужасно утомляли, и без нужды я старался сам их не заводить. Если он сам меня не трогает, то и слава Богу, тем более не мне этот Учёный Совет вести.

Что касается Академии Инженерных Наук, то я отчасти был в курсе. Ещё до моего отъезда в Калининград мне позвонили из Архангельска, из Северо-Западного отделения этой самой Академии, одной из выросших как грибы после развала Союза, и просили передать Успенскому, что его там готовы поддержать при баллотировке в член-корр АИН, поскольку им нужен свой человек в Мурманске, а Успенского они знают и считают подходящей фигурой с зарубежными связями.

Я Успенскому это передал. Тот, как выяснилось, с энтузиазмом закрутил машину выдвижения, и вот на предстоящем Учёном Совете этот вопрос будет рассматриваться. Оказалось, однако, что выдвигаться собирался не только Успенский, но ещё и Пивоваров, и Терещенко спохватились. По дороге в Апатиты Успенский и мне предложил выдвигаться – по информатике. Полезно, мол, для института. Надо повсюду внедряться, вдруг там можно будет чем-нибудь поживиться. Для института, разумеется, для института.

Я отшутился:

– Какой я к чёрту инженер? Вот Вы и внедряйтесь, устанавливайте там связи.

И на Учёном Совете меня спросили:

– А вы почему не выдвигаетесь, если, как тут говорят, это важно для института? Может, всех наших докторов надо выдвигать?

Я ответил:

– Причины две. Во-первых, я к инженерным наукам отношение имею весьма опосредованное. Я геофизик, теоретик, специалист по математическому моделированию околоземной среды. А во-вторых, сама эта Академия у меня лично доверия не вызывает, очередная синекюра, как мне кажется. Возможно, я ошибаюсь и просто плохо информирован. Но и в таком случае – чего же лезть туда, о чём понятия никакого не имеешь. А посему я и при голосовании по всем кандидатурам воздержусь, ибо не знаю, куда они выдвигаются, как же я могу судить – достойны они или нет.

Успенский обстоятельно сообщил о своей научно-инженерной биографии, но Слава Ляцкий его огорчил:

– Михаил Владимирович, я Вас уважаю и ценю Ваши работы, но Вы докторскую только защитили, и я считаю, что Вы не самый сильный специалист в нашем институте, – не назвав, правда, кого он считает самым сильным.

Терещенко на Совете не было, его кто-то представлял, вопросов не задавали.

Пивоваров же отмочил номер. Он выдвигался по специальности «экология» и начал было рассказывать, какой он крупный эколог (Крымскую АЭС запретил), а потом вдруг заявил:

– Впрочем, я снимаю свою кандидатуру. Это я по запарке в это дело ввязался (сунулся в затею). Сам не знаю зачем. Втянули меня. Ни к чему это.

Непосредственность его временами восхитительна. По запарке, так по запарке. При тайном голосовании ни Успенский, ни Терещенко требуемого количества голосов не набрали. (Успенский, правда, потом инженерным член-корром всё же стал, его в Архангельске выдвинули и провели.)

Думаю, что Пивоваров в последний момент сообразил – зачем себе здесь вслепую рейтингование устраивать, почувствовал, наверное, что прокатят.

По второму и третьему вопросам докладчиком в повестке дня стоял Пивоваров. Он напористо заявил, что решительно намерен положить конец совместительству на руководящих должностях в институте и малых предприятиях при институте (учреждённых институтом, как он уточнил), которые он назвал коммерческими структурами.

Как пример такого подхода он назвал освобождение Ейбога от должности замдиректора по общим вопросам (хотя пример был некорректным, поскольку «Техком» не учреждался институтом, а являлся просто частной лавочкой Ейбога), и дал понять, что на очереди МП «Тулума», возглавляемое Терещенко, и «МИНВО» Волкова (начальника Лопарской).

Ясно было, что главный огород, куда камни брошены, это Терещенко, который на Совете отсутствовал, а без него и обсуждать-то по «Тулуме» было нечего. Волкова тоже не было, но и МИНВО не учреждалось институтом. Был, правда, Ройзен – помощник Иванова по общим вопросам, но его «Азеф» Пивоваров не упоминал и совместительство Ройзена его, похоже, вполне устраивало.

Так народ ничего и не понял – что будет-то? Что от него, т.е. от Совета хотят, и что Пивоваров намерен делать, в частности, с Терещенко?

По третьему вопросу похожая картина. Пивоваров объявляет, что решительно намерен покончить с институтскими долгостроями – приёмным пунктом некогерентного рассеяния (Терещенко), авроральным радаром (Успенский, Тимофеев), ионозондом «Базис» (Перцовский).

Но Терещенко и Перцовского нет, к тому же неясно почему «Базис» отнесён к долгостроям, он работает, хотя и не в окончательном варианте.

Успенский от аврорального радара отмежевался, хотя, по моему глубокому убеждению, это его и Пивоварова вина, что радар брошен недоделанным, что ушёл Смышляев из-за амбиций Успенского.

Какие-то соображения по радару есть у Тимофеева, но сам Тимофеев куда-то делся, послали искать, нашли в библиотеке, откуда он явился и набросился вдруг на меня – почему это в институте JGR-ов нет за последний год, валюту получаем от постояльцев, а журналов нет.

Я ему ответил, что сейчас не этот вопрос обсуждается, а судьба аврорального радара. Тимофеева же понесло и он не мог остановиться, чем разъярил Пивоварова, и он прогнал со сцены Тимофеева, закрыв тем самым дискуссию по долгостроям.

Обсудим, мол, это сначала на СУСах. Так, а какого хрена всё это на сегодняшний Совет выносилось? Чтобы выслушать декларации Пивоварова о его решительных намерениях? Покончить – это как? Закрывать, демонтировать, или что?

– Потом обсудим.

И абсолютно никаких практических выводов после деклараций не последовало. Все совместители и долгострой остались на своих местах и в том же состоянии, как и до этого Учёного Совета.

Шуганул волну Пивоваров и успокоился, на другие «проблемы», видать, переключился. Стоило ли народ ради этого в Апатиты возить? Очень меня это баламутство возмутило.

Затем пошли СУСы по отчётам. О науке наконец-то заговорили.

У меня с Мингалёвым опять напряжённость возникла. По настоятельной просьбе Ляцкого я передал Вите летом часть денег со своего направления, обговорив, что бы мне хотелось получить от них за это: сопоставление расчётов по нашей и их моделям с наблюдениями или эмпирической моделью для одной и той же геофизической ситуации, лучше всего одной и той же конкретной даты. Витя согласился, деньги взял, и у него на тему народ зарплату получил выше, чем у нас с Власковым.

А результат ... – никакого. Сунул мне три листочка, которые я даже в отчёт не стал вставлять. Три картинки представил из своих старых результатов, которые я уже не раз видел, и сопоставляет их с данными, которые мы обговорили, полученными совсем для других условий. Согласия, конечно, нет, но ведь и условия разные, «объяснил» расхождения Витя, а новые расчёты не удалось, мол, провести, поскольку надо теперь за аренду машинного времени в КНЦ платить, а на персоналку они свою модель не перенесли.

Ладно, хрен с ним, я промолчал, Ляцкому только пожаловался – вот, по твоему ходатайству отдал деньги Мингалёву и впустую. Слава сказал, что всё равно я правильно сделал, что Мингалёву деньги дал. Ну, ладно. Однако Витя и по своей теме отчёт халатный представил – тоже старые результаты, из расчётов даже не прошлого года, и не позапрошлого, да плюс интерпретация ошибочная.

Тут я не удержался и на СУСе высказал если не всё, что я про Мингалёвский отчет думаю, то, по крайней мере, интерпретацию раскритиковал. Витя, правда, не очень-то и защищал её.

Забавно, что Юра Мальцев поначалу оценил работу Мингалёва как вполне приемлемую, потом согласился с моими замечаниями и понизил свою оценку, но сразу низко оценил отчёт по теме Ляцкого (на мой взгляд, явно предвзято), учителя своего бывшего, которому не мог простить, что тот ему тему не дал по своему научному направлению.

Слава обижался и считал, что Юра на этой почве просто свихнулся, зря он его в своё время так превозносил: Мальцев – гений, он и в самом деле в это уверовал, а теперь вместо благодарности, грязью поливает.

– Ну, уж грязью! – не соглашался я. – Юра, конечно, язва, но злобности в нём никакой; ты, Слава, преувеличиваешь.

Юру я тем не менее просил быть помягче по отношению к Славе, не обижать его зазря (как Слава просил меня не обижать Мингалёва).

Итоги экспертных оценок отчётов были подведены на Учёном Совете в Апатитах в начале декабря. Первое место заняла тема Косолапенко («Спутниковые измерения интегрального электронного содержания в ионосфере»), одного из немногих неостепенённых руководителей тем, не замешанного ни в каких интригах, а посему не имевшего недоброжелателей среди экспертов, что и обеспечило ему, по мнению многих, победу.

Наша с Власковым тема заняла 5-е место (из 25-ти), чем я был вполне удовлетворён, Пивоварова – 13-е, Ляцкого где-то в районе 9-го, Мингалёва – 11-го, если не ошибаюсь, что явно его разочаровало, а посему он пришёл к выводу: фигня – всё это экспертирование, что они там понимают, эти эксперты.

573. Ноябрь – декабрь. Нардепы подрались. Ельцин референдумом поначалу напугал, а потом Гайдара сдал. Я начал ваучеры скупать

Одним из претендентов на сокращение в первую половину года был Слава Байдалов – председатель профкома ПГИ; на его лазерное зондирование атмосферы никто из руководителей направлений не выделил средств, не воспринимали его как учёного, а точнее, так просто бестолковым считали, несмотря на то, что два года назад он защитил, наконец, кандидатскую диссертацию. Прибор он свой знал, но и только. Геофизик никакой.

Слава это отношение к себе чувствовал и согласился возглавить профком в расчёте укрепить своё положение в институте за счёт поддержки «простого народа», интересы которого он взялся защищать и поначалу очень рьяно. Подстрекаемый Терещенко (старшим) и Мельниченко – он повёл было профком на войну с дирекцией, но когда ему Пивоваров выделил средства по «Арктике», развернулся на 180°, «продался директору», как заключили его бывшие соратники. После этого предательства Терещенко вообще вышел из профкома, поутих и Мельниченко.

И совсем уже другой характер носило заседание профкома по вопросу о наших с Пивоваровым квартирах, нежели в начале лета. Вопрос этот особенно волновал Пивоварова, я как-то спокойно к нему относился.

А суть была в статусе наших квартир, которые считались семейными общежитиями и не могли быть ни обменены, ни приватизированы, благодаря совершенно незаконному постановлению горисполкома, принятому незадолго до приезда Пивоварова в Мурманск. Так местные власти решили бороться с разбазариванием жилья: мол, приглашённые специалисты едут сюда за жильём, получают его, а потом меняют и смываются.

Наконец, в этом году постановление было отменено, но чтобы изменить статус квартир и выдать нормальные ордера, власти требовали ходатайств – от администраций и профкомов, чьими общежитиями числились эти квартиры. Вот тут-то наш профком летом и упёрся, отказываясь этот вопрос даже рассматривать. По слухам, доводы у них были такие (если это можно назвать доводами):

– Ага, как колдоговор подписывать, от них (Пивоварова и Намгаладзе) ничего не добьёшься, теперь пусть они за нами побегают.

– Они эти квартиры тут же приватизируют, продадут и сбегут отсюда, и институт опять без жилья останется.

– Намгаладзе сам говорил, что профком не должен жильём заниматься, чего они теперь к нам обращаются?

Потом отпуска пошли, кворума не стало. Заболев осенью, Пивоваров несколько раз напоминал мне об этом деле, но у меня всё руки не доходили, да я и не видел тут срочности никакой.

Но тут вышло распоряжение главы Мурманской администрации Найдёнова и без нашего ходатайства отменяющее общежитский статус квартир, при этом предписывающее «распределить их вновь в соответствии с действующим законодательством», а это значит по согласованию с профкомом. Дирекция ПГИ и предложила профкому распределить квартиры тем, кто в них живет – Пивоварову, Намгаладзе и Качале, у которого квартира также считалась общежитием, т.е. в сущности подтвердить старое распределение. Ну, казалось, какие могут быть иные варианты? Этих выселить, дать другим? Не принимать никакого решения? Но тут же вот распоряжение главы администрации города. И профком собрался обсуждать вопрос вместе с администрацией, которую представляли я, Боголюбов и Калитёнков.

Обсуждали очень долго и с серьёзным видом, тщательно изучая по ходу обсуждения распоряжение, подписанное Найдёновым. Никаких других вариантов, кроме предложенного дирекцией, не возникало. Мельниченко даже заявил, что тут и не может быть никаких других вариантов. При голосовании по предложению дирекции, однако, когда до него (голосования) дошло, наконец, дело, он воздержался. И пояснил:

– А чтобы народ знал, что профком не идёт единодушно на поводу у дирекции.

И потребовал, чтобы на голосование было поставлено его предложение – провести новое распределение, а старое отменить. Поставили. Проголосовали. Кроме Мельниченко – все против. Но и Мельниченко не за. Он воздержался. При голосовании по собственному предложению.

– Чтобы народ знал, что у нас автоматически предложения дирекции не проходят.

Вот такие артисты у нас в профкоме. Не хуже, чем на Съезде народных депутатов, который тут как раз открылся (**1 декабря**, 7-ой по счёту). На котором нардепы подрались, а Ельцин референдумом всех поначалу напугал, а кончил тем, что позорно сдал Гайдара к моему великому огорчению. Совершенно напрасная уступка этим идиотам. А я тут в приватизацию поверил, начал ваучеры скупать, даже марки свои финские продал и пустил на это дело. Так он (ваучер) хорошо было в гору полез, а тут, конечно, падать начал. Правда, Черномырдин показался после интервью с ним в самолёте не таким уж жлобом, как поначалу, когда он обещал «рынок без базара и без обнищания народа». Но Гайдара жалко, в кои-то веки могли умного премьера поиметь!

В середине декабря я ездил в Питер на конференцию по проблемам военной геофизики в ВИККИ имени Можайского. С Кореньковым в гости к Лариске Зеленковой с ночёвкой ездили, спирт пили. В Сестрорецке дяде Вове с тётей Тамарой разъяснял, чем Хасбулатов (который им нравится, меньше, правда, чем Невзоров) хуже Ельцина, а Черномырдин – Гайдара, которого дядя Вова терпеть не мог «за толстую морду».

19 декабря в Мурманске температура +4°, дождь, ветер южный, сильный, ночью настоящий шторм, крыша соседнего дома чем-то ужасно грохотала, в унитазе вода ходуном ходила – мой застроенный балкон проходил первое испытание и с честью его выдержал, если не считать выданного ветром куска лизола, которым была заткнута щель в нижней части балкона.

31 декабря Митя приехал. Этим радостным событием и закончился 1992-й год.

1993 г.

**Мурманск – Апатиты – Москва –
Лопарская – Петербург – Сестрорецк –
Калининград – Зеленоградск – Светлогорск –
Берёзовка – Владимир – Туманный –
Верхнелукомский – Киркенес – Тромсе – Анденес**

574. Январь 1993 г. В гостях у Али Осепян. Учёный Совет в Лопарской по утверждению руководителей новых тем

Новый, 1993-й год встречали втроём, а 1-го катались с Митей на лыжах, и он лыжу сломал, а я на ней возвращался, отдав ему свои лыжи.

2-го января ходили втроём в гости к Осепян, познакомились с её мужем Ясиком и сыном Мишей, пили шведскую водку «Абсолют». А ночью разыгрался ураган сильнее декабрьского, но ещё более сильный был в ночь с 1-го на 2-ое февраля, с грозой (!) накануне, с отключением электричества по всему городу, гололёдом, ветер 3., С.-З., 35 м/с. Транспорт не ходил, я пешком наутро еле доковылял до института, а балкон опять выдержал.

В этот раз досрочную сдачу сессии Мите не разрешили и 11-го января он уехал сдавать мат. анализ и физику. Сдал их на пять (по химии очередной автомат и высокий рейтинг), а 24-го января Митя вернулся уже собственно на каникулы, в ходе которых окончательно доломал лыжу, многократно мною клееную, и сломал лыжную палку, вылетев нечаянно на двухметровый обрыв и рухнув с него при спуске с нашей горы к ближнему озеру.

В этот сезон Митя ходил кататься не только с нами, но и один, чаще всего на моих пластиках, помаленьку осваивая коньковый ход, одолел несколько раз самый быстрый и длинный спуск на трассе от Рог-озера к Ленинградской дороге и вдоль нее к КП-2.

В январе заканчивали очередную перестройку структуры института, начатую в конце прошлого года решением о сокращении числа научных направлений до четырех. Четвертым оставили атмосферные исследования, а не экологию, как хотел Пивоваров, отказавшийся все же от своего предложения, почувствовав, что в этом его совсем уж никто не поддерживает, даже Слава Ляцкий, больше других в экологию ввязавшийся, и развернувший экологические наблюдения в Ловозере.

Славу Пивоваров поставил во главе комиссии (будучи в больнице он вошёл во вкус комиссии создавать и создал за раз штуки три или четыре), которой поручил разрабатывать предложения по наполнению направлений темами. Их должно было быть штуки по три в каждом направлении, т.е. всего 12 вместо нынешних 25-ти. Слава с некоторым даже энтузиазмом взялся за это дело и комиссия предложила систему грантов с равным финансированием по каждой теме, если тема была экспериментальной или комплексной и половинным для чисто теоретических тем.

Пивоваров всё это одобрил и предложил желающим подавать заявки на выполнение этих тем (с программой работ, штатным расписанием, сметой расходов), которые должны быть рассмотрены и приняты или отвергнуты на Ученом Совете, а предварительно на комиссии Ляцкого, которой Пивоваров поначалу вообще хотел поручить окончательное решение (а не просто выдачу рекомендаций), обойдясь и без Ученого Совета, но потом, спохватившись, объявил, что это он опять «по запарке, сгоряча», конечно, мол, всё Совет будет решать.

Первый такой Совет по утверждению руководителей новых тем состоялся 14 января в Лопарской (инициатива Пивоварова – проводить Советы не только в Мурманске и Апатитах, но и в Лопарской). Особых проблем не ожидалось, предварительная перегруппировка людей по темам прошла более или менее естественным образом, на добровольных началах и в целом была одобрена комиссией. Разве что лазутинцы, по-прежнему кучкуясь вместе самой большой толпой, хотя и без Лазутина, с трудом вмещались в гранты, на которые они могли претендовать.

Кстати, сам Лазутин подал заявление об отпуске с последующим увольнением, собрался якобы в Бразилию и нашел ещё место себе в Москве – заместителем председателя аэростатной комиссии при ком-то существовавшей. Правда, он ещё и в ПГИ собирался на полставки работать – и такое было от него заявление. Пивоваров считал всё это маневрами в ожидании окончания первого срока его директорства, небось к выборам Лазутин снова в бой рванется, неужели успокоился?

Так или иначе, в отсутствие Лазутина бузы пока не возникало. Самым недовольным неожиданно оказался Юра Малыцев. Он выдвинул на конкурс свою любимую тему «Геоманитная буря», но почему-то отказывался ею руководить, предлагая в руководители Арыкова (бывшего их со Славой ученика, потом завлаба, теперь опального): мол, Арыкова это стимулирует к работе, у него уже крылья прорезаются, а сам он и так будет активно темой заниматься.

Беда была в том, что больше у них людей не было, все по другим темам разошлись, а комиссия Ляцкого решила, что на грант могут претендовать только уже сложившиеся коллективы: 10—15 человек на полный грант, 6—8 – на половину, 3—4 на четверть.

Юра надеялся, что поскольку речь опять идёт о сокращении, то денег на темах не будет хватать, и лишние люди пойдут к нему, но пока их что-то не находилось даже среди лазутинцев, и Юра во всём винил Ляцкого, который ну никак не хочет ему тему дать, что в прошлом году, что в этом. Я Юру активно поддержал, и Совет ему четверть гранта выделил.

Я получил полгранта на тему «Математическое моделирование верхней атмосферы Земли» (в прошлом году было «верхней и средней атмосферы»). Власков от моделирования отошёл и полностью переключился на эксперименты по нижней ионосфере, в первую очередь, на частичные отражения.

В наследство мне он оставил Алё Осемян и Граду Петрову, пенсионного уже возраста «девушек», кандидатов наук, к моделированию причастных весьма условно, программирование, компьютеры для них – китайская грамота, стараются, правда, осваивать, да возраст уже не тот. Это геофизики старой формации, что-то научившиеся когда-то делать и на это только способные. Куда их девать?

Женщины-то, главное, неплохие, Града особенно, Лариски Зеленковой подружка. А теперь и Сашулина, хоть и не особенно близкая, но какая-никакая, из других разве что Татьяна Хвиюзова Сашулиной подругой может тут в ПГИ считаться. (Сашуля все вздыхала, что таких, как в Калининграде, у нее тут друзей нет, а я ей разъяснял, что в нашем возрасте новые друзья легко не заводятся, тут уж ничего не поделаешь).

Ну, ладно. Короче, Аля с Градой остались у меня на теме. А кроме них Олег Мартыненко, Миша Волков и Сашуля. Сергей Заичка ушел в милицию – «кушать хочется», так он объяснил, деньги нужно зарабатывать, семью кормить. Качала с Эльвирой Барболиной (была Суднициной) перешли в ИВЦ, создание которого утверждалось на этом же Ученом Совете в Лопарской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.